

ЛЮДМИЛА
ПЕТРУШЕВСКАЯ

НАГАЙНА,
ИЛИ
ИЗМЕНЕННОЕ
ВРЕМЯ

Людмила Петрушевская. И нет преткновения чуду

Людмила Петрушевская
**Нагайна, или Измененное
время (сборник)**

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Петрушевская Л. С.

Нагайна, или Измененное время (сборник) /
Л. С. Петрушевская — «Эксмо», 2019 — (Людмила
Петрушевская. И нет преткновения чуду)

ISBN 978-5-04-101036-2

Книга Людмилы Петрушевской «Нагайна, или Измененное время» полна мистических сюжетов, тех явлений, когда душа соприкасается с вечным, до нас существовавшим и вдруг возникающим миром. Однажды случилось, что Л. С. Петрушевская, единственный русскоязычный автор, получила премию «World Fantasy Award» – всемирную премию в области фантастики. Но никто из наших фантастов не нашел этого писателя в списке «своих». Видимо, придется признать: у нас существует совершенно другая область фэнтези – книга, которую вы держите в руках.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-101036-2

© Петрушевская Л. С., 2019
© Эксмо, 2019

Содержание

Рассказы	6
Нагайна	6
Измененное время	12
Лабиринт	21
Где я была	28
Глюк	35
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Людмила Петрушевская

Нагайна,

или Измененное время

В оформлении обложки использована репродукция картины Александры Шадриной
Издание осуществлено при содействии литературного агентства Banke, Goumen & Smirnova

© Петрушевская Л., текст, 2019

© Шадрина А., иллюстрация, 2019

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

* * *

Рассказы

Нагайна

Дело происходило, как оно происходит всегда, вышли вместе из духоты зала, отыграла музыка, кончен бал.

Девушка явилась на этот бал как-то по-своему, она была здесь явно посторонняя и не объяснила факт своего появления ничем. Да ее никто и не спрашивал. Тот, с кем она вышла наружу, совершенно точно не собирался ни о чем спрашивать: девушка увязалась за ним, буквально привязалась. До того она прыгала в толпе как все, то есть изгибаясь, при этом ломала якобы руки, свешивала волосы как плакучая ива, все как у всех, только лицо было какое-то сияющее. Он обратил внимание на это сверкающее лицо в толпе остальных девушек, которые вели себя более-менее одинаково, как пьяные весталки на древней оргии, на какой-нибудь вакханалии, где под покровом тьмы единственной одеждой остается венок.

Правила на таких праздниках всегда одни и те же во все времена, серые самцы и яркие самочки, и эта особенная девушка тоже не была исключением, она приделась в некое подобие переливающейся змеиной шкурки.

Но лица у всех оставались искаженными той или иной степенью страсти, а у этой сияло непосредственной радостью. Такое возникало впечатление, что остальные были равнодушными хозяйками на празднике, а эта пробралась с большими трудами, ей удалось, и она была счастлива.

Тот, кто вышел впереди нее, был спокоен, угрюм. Он и на этот осенний бал явился непонятно зачем, его тоска не требовала ни музыки, ни плясок. Он презрительно стоял у стены,пил. Не шевелился. Он тут был как бы мерило власти. Осуществлял эталон скупающего хозяина.

Девушка в змеиной шкурке остановилась рядом с ним, плечом к плечу, и тоже замерла, как будто обретя покой. И так и осталась стоять.

Хозяин своей судьбы на нее даже не поглядел. Она тоже на него не взглянула, только тихо сияла.

Зачем она ему была нужна, вот вопрос. Эта радость, бессмысленный свет, покорность, готовность.

Таких не берем! Он постарался всем своим видом выразить немедленно возникшее в ответ чувство протеста, высокомерно, как каждый преследуемый, повернулся и пошел вон.

Как только он стронулся с места, она, разумеется, потащилась следом. Он надел свое пальто, она – шубку.

Вышли в туман.

Серые ночные просторы открылись, массы холодного воздуха окружили, надавили, хлынули в лицо. Даже моросило.

Она шла рядом, попевала, он двигался сам по себе, она при нем.

Он опять-таки всем своим видом выражал, что идет с целью вернуться домой, причем один. Ускорил шаг.

Она семенила за ним, буквально как собачка на прогулке, явно боясь потерять хозяина.

Вот кому такие нужны? Он мельком взглянул на нее. Мордочка хорошенькая, фигурка прекрасная, ножки длинные, все как надо. Но лицо! Сияет счастьем буквально. Как будто ее похвалили, причем она этого не ожидала и обрадовалась. И прилипла!

Он нехотя сказал:

– Ко мне нельзя.

Она молча бежала рядом, не меняя выражения лица. Восторженного причем!

– Ты поняла?

Она в припадке обожания молча кивнула.

– Так куда же ты потащилась?

Она схватила его за локоть и теперь шла как бы под ручку с ним.

Здрасьте!

Он специально пристально посмотрел на нее. Убрал локоть.

– Ты что?

Она со счастливым лицом бежала рядом.

– Я говорю, что ко мне нельзя!

Она наконец сказала:

– Ко мне тем более.

Голос низкий, грудной. Умный.

Никому не нужная поспешает неизвестно куда. В общаге дежурный ее не пропустит. А к тебе я и не собирался!

Он знал эту породу прилипчивых, любящих существ, этих маленьких осьминогов, готовых оплести и задушить. Они обвивали, не отставали, обнаруживали его в любом месте, преследовали, готовы были на всё. Что-то они все находили в бедном студенте. Звонили на пост к дежурным, устраивали засады в библиотеке, в столовой.

– Ну все, мне сюда, – сказал он и махнул рукой в сторону бокового проспекта.

Огромные серые ночные просторы, пронизанные сыплющимся повсюду туманом, кое-где освещенные блеклым сиянием фонарей, открывались по сторонам. Пустынные окраинные места! Окаянный холод, предвестник зимы. Редкие огоньки горели вдали в темных жилых массивах.

Разумеется, она повернула следом за ним.

Там, в тех сторонах, были новые общежития, городские выселки, вообще тьма. Там стояли еще не очень освоенные городские кварталы, там почти никто не жил, в той отдаленной глуши.

Он как бы пожал плечами, снимая с себя всякую ответственность (как она поплетется домой, когда ее завернут от дверей, в наших краях и такси не найдешь).

Он скривил свой мужественный рот.

Прилипала бежала рядом сияя. Лицо ее буквально сверкало во тьме.

– Зовут тебя как? – вдруг спросила она низким голосом.

– Анатолий, – пошутил он. На самом деле его звали иначе, но приходилось таиться. Мало ли бывало случаев, когда прилипалы находили его по имени.

– Ты учишься?

– Да.

– На каком?

– На географическом.

Он тут же придумывал себе легенду.

– На каком курсе?

– На пятом.

– Тогда непонятно, – вдруг сказала она.

– Что тебе непонятно?

– Все непонятно.

Его сердце забилося: вот оно, начинается преследование!

Она продолжала допрос, он продолжал придумывать.

Почему-то ему не приходило в голову просто промолчать.

Дело доехало до того, что он рассказал о своем дипломе (Индия, запрещенные к въезду штаты), о своем плане получить грант и поехать туда, в Нагаленд.

Это была не его жизнь, а отдаленные мечты. Когда-то у него была любовь с индуской Ирой, взрослой девушкой-нагайной из штата Нагаленд. У нее как раз был грант на изучение русского языка. Потом он закончился, и Ира уехала.

Голос его выдавал все новые и новые подробности жизни запретного штата – как там охотятся за черепами и выставляют их на частоколе вокруг хижины, как змеи ползут к коровам на вечернюю дойку и просят у женщин свою порцию, как свои змеи охраняют детей от чужих гадюк и охотников за черепами из соседних деревень.

Ира вообще-то уже была совершенно другой, цивилизованной студенткой, христианского вероисповедания, она жила в Дели в домике на плоской крыше четырехэтажного древнего дома, в мусульманском районе. Спокойно спала в пять утра под оглушительные призывы муэдзина с соседского минарета. Готовить не умела, разве что «дал» (фасоль), и то извинялась, что недоварила. Питалась в студенческих забегаловках или просто на улице. Уехала с родной реки, полной водяных змей, в пятнадцать лет, с горстью бабушкиных драгоценностей. Училась уже во втором университете, знала множество языков. Но ее квартиру на крыше постоянно обворовывали, поскольку жители дома днем на раскаленную верхотуру не поднимались, прятались в недрах у подземного колодца, и сторожить было некому. Так что все деньги и бабушкины драгоценности украли, а приехавшие полицейские за осмотр взяли последние триста рупий. И Ира со смехом рассказывала, что привезла туда из родных мест змею. Которая любила покрасоваться на видном месте, на подоконнике, и была совершенно безобидна для людей, питалась мелкими птичками. Ира крошила для них хлеб на крыльцо и могла уходить хоть на целый день, оставляя дверь незапертой и воду для нагайны в тазике. Но однажды она нашла свою подругу искромсанной, а домик ограбленным дочиста: злодеи, видимо, принесли с собой мангуст.

Вспоминая ее смешные рассказы, он торопливо шел сквозь туман все вперед и вперед. И вдруг неожиданно для себя сказал:

– Знаешь таких мангуст? Охотники за змеями.

Прилипала в ответ почему-то засмеялась.

Христианка Ира один раз, когда ее друг заболел пневмонией, спросила, где можно купить живого петуха, удивленного ответа не приняла и ушла на целый день. Затем сказала, что ездила в лес. Об этом говорить было нельзя, это выглядело как практика вуду. Чудом он тогда выздоровел.

Незнакомка шла все время рядом, как собака, буквально у ноги, и вся переливалась, светилась. Видно было, что ее несет на крыльях неожиданной любви, что все совпадает с ее надеждами и тайными мечтами о принце.

Дурочка.

После Иры он никого не мог любить. Она была большая мастерица по этой части. Это она в самый первый день положила ему под дверь цветы, а потом села к нему за столик в столовой и засмеялась. Ей было уже тридцать лет.

Мнимый Анатолий говорил глухо, невыразительно, но подробно. Она задавала вопросы.

Сам он ничем никогда не интересовался у девушек. Прилипалки обычно о себе не сообщали, зато буквально цепенели, жадно поглощая любую информацию с его стороны. При этом и спрашивать стеснялись.

Эта, новая, не тормозила абсолютно, была свободна и счастлива – как Ира в тот первый день.

Но прилипалы нам не нужны!

Они обычно, уже во второй раз, караулили на его путях, стояли как надгробия, вынужденно улыбаясь, даже рук не протягивали, чтобы коснуться. Иногда касались. Его била дрожь омерзения. Почему-то их притягивала именно шея, они дотрагивались до него своими ледяными пальцами, когда он сидел в библиотеке, например. Они казались ему конвоем, какими-то

незримыми, но вездесущими вампирами, которые крадут его сущность, сосут из него информацию, хотят жить его жизнью.

– У меня потребность, – жалобно сказала одна, – потребность тебя коснуться.

Она как раз караулила его именно с этой ужасной целью. Он вдруг чувствовал на шее как бы ледяной укус. Мазок чужой руки.

Эта, новенькая из его армии, летела рядом как на крыльях, невесомая и блестящая. Она уже не надеялась на его рукав, видимо, успела напиться чужой энергией, расстояние держала сантиметров сорок. Разрыв, как ни странно, увеличивался.

Ира явно была колдунья, она надолго привязала к себе душу мрачного псевдо-Анатолия, чтобы он спустя годы так рассказывал о ее жизни. Теперь он плел байки о том, что его одного товарища из Индии сразу по приезде в университет обокрали, и все полгода этот товарищ голодал, но высидел весь срок, изучая русский язык довольно весело.

Он еще тогда подозревал, что Ира ходит подрабатывать в студенческий бордель. Многие девушки с их курса хорошо одевались, ездили на такси и не ночевали в общежитии. Ира кормила своего друга довольно часто.

– Мой животик зарабатывает, – говорила она.

А ее подруги тут же сказали, что Ира списывала со стены у телефона номера трех борделей.

Так оно и шло.

– Как тебя зовут? – снова спросила новая прилипала.

– Сергей, я говорил уже, – ответил он, давая понять, что врет.

Девушка реагировала на это радостным смехом, не переставая светиться и переливаться во тьме. И она опять не сообщила в ответ, как зовут ее. Обычно те, предыдущие, сразу называли себя, как будто их кто спрашивал.

– А как теперь живет твой друг индус?

– Как живет, не знаю, – быстро произнес этот новоявленный Сергей. – Он или уехал заканчивать университет в Дели к себе на крышу, или вернулся к змеям в Нагаленд. Там повсюду змеи. Их кормят, поят. Если есть домашняя змея, она отпугивает всех остальных змей. Дело доходит до драк, – вдруг засмеялся он.

Она ответила низким грудным смехом. Какой красивый, однако, у нее голос!

– До драк?

– Да! Змеи сражаются! Домашняя должна победить. Если хозяева видят, что побеждает чужая, они ее убивают. Или новая нападает незаметно, ночью, и потом становится домашней. Ее должны принять, даже если она ядовитая. Иначе боги не простят.

– А! – засмеялась она. – Мне рассказывали историю, как змея полюбила солдата. Она приползла к нему каждый раз, когда он стоял на карауле. Он ее кормил крошками хлеба. Когда он погиб, его отправили домой в цинковом гробу. Родные вскрыли гроб, чтобы попрощаться. И там лежала рядом с ним мертвая змея.

– Это сказки, – отвечал немногословный Сергей-Анатолий. – Это все байки, страшилки. На самом деле все проще.

– Как тебя зовут? – опять спросила она.

Он посмотрел на свою прилипалу. Она вся переливалась, шла, как в ореоле, в свете ближайшего фонаря. У нее были счастливые, очень блестящие и слегка даже раскосые черные глаза, и сейчас она казалась намного смуглее, чем там, в зале. Но там ведь вертелись особые фонари, там все белое казалось намного белее.

– А зачем тебе это знать, как меня зовут? Сейчас ведь мы расстанемся навсегда, зачем? – в свою очередь спросил Сергей-Анатолий.

– Это просто так! Просто так! Ты очень похож на одного человека, очень! – как дурочка ответила она.

Так вот оно что! Дело оказалось еще проще. То есть она пошла не за ним, а за каким-то своим призраком. Не ему были адресованы все эти знаки счастья.

Мнимому Сергею стало одиноко, холодно и противно. Игра кончилась. Он не имел абсолютно никакого отношения к этой истории. Все было обыденно, скучно, невыносимо тоскливо. Чужая любовь.

Он решил молчать.

Девушка летела рядом с ним, и от нее буквально исходили лучи счастья. Вот ей повезло! Она встретила свою любовь, идиотка.

Наконец можно было по полной справедливости закончить все одним махом.

– Все. Хорошо. Иди отсюда. Иди домой. Я сыт, понимаешь? Ты мне не нужна. У меня есть женщина. Она меня ждет.

– Ты женился? – померкнув, спросила она.

– Почти.

– А кто твоя жена?

– Моя жена, она очень хороший человек. И я сыт, ты можешь это понять?

– Она живет с тобой? – преодолевая себя, спросила девушка. – Расскажи мне о ней.

Неожиданно он начал говорить. Они стояли под фонарем, сыпался и сыпался туман.

– Она красивая и умная. Она взрослая. Она знает одиннадцать языков. И она очень искусна в любви, она жрица. – Какой-то странный текст выходил из его онемевшего от холода рта. – Она танцует в борделях танец живота, и никто не смеет ее там коснуться. Она ходит туда по субботам и воскресеньям. Ее ай кью двести десять, выше, чем у Альберта Эйнштейна.

– Двести десять? – изумленно повторила она. – Такого ведь не бывает.

– Бывает. Ей уже тридцать лет.

– А какие у нее глаза? – спросила рыбка-прилипала, при этом широко раскрыв свои, раскосые, абсолютно черные и сверкающие. – У нее темные или светлые?

– У нее светлые, но карие, – ляпнул бывший Анатолий.

– А где она сейчас?

– Сейчас она меня ждет, – уклончиво отвечал Сергей.

– Где, где она тебя ждет?

– А вот этого я тебе не скажу.

– Почему? Почему не скажешь? – с неожиданным акцентом произнесла она.

– Не хочу, и все.

– Ты не знаешь? Ты ведь не знаешь, где она тебя сейчас ждет? – настойчиво продолжала девушка-прилипала.

– Ты что, думаешь, я вру?

– Нет! Нет! Ты не врешь, я знаю. Ты говоришь правду! Первый раз за все время. Ты говоришь правду, что она тебя ждет. Но ты не знаешь, где она тебя ожидает?

Сергей молча повернулся и пошел. Он не слышал, идет ли она следом. Он не хотел больше на нее смотреть. Какое-то неизвестное чувство возникло у него в районе желудка. Как будто он падал, как во сне, с большой высоты. Это было похоже на тревогу, на испуг, когда бывает, что вдруг кто-то поймают на вранье.

– Как тэбья зовут? – настойчиво и с сильным акцентом произнесла девушка издали.

Оказывается, она осталась стоять на месте. Он, оглянувшись, пошел прочь еще быстрее.

Потом он опять остановился и обернулся.

Она была уже довольно далеко, светясь под фонарем как дорожный столбик с флуоресцентным покрытием. Сверкала вся, с головы до ног, как будто в довершение всего на нее падал свет приближающихся фар.

– Пока! – крикнул он, внезапно смягчившись. Угроза миновала.

Он ездит в универ на маршрутке и другим путем. Здесь он не ходит никогда. Она его больше не поймает.

Холодные темные массы воздуха били его по лицу, как сырые полотнища, так что трудно было бежать. Но он был закаленный спортсмен и не сбавлял темпа. Мчался, как в былые времена, чем-то сильно обрadowанный (получил свободу?).

Когда-то, на первых курсах, он еще выступал на велосипедных гонках, машину ему дали казенную. Он из последних сил ездил, поскольку боялся, что отчислят (его взяли в университет по ходатайству спортивной кафедры, за первый разряд). Всегдашний страх поражения глодал его все эти годы. Вдруг все поймут, что он самозванец? Первое место у себя дома на городских соревнованиях он взял, потому что у финиша образовалась каша, завал, все слиплись колесами. Он шел за лидирующей группой, воспользовался и рванул, обманно всех объехал. Ему дали разряд, но за спиной хмыкали. Слава богу, тут же ему надо было уезжать поступать в университет.

Он опять остановился, запыхавшись. Форма уже не та.

Светящаяся черточка оставалась на прежнем месте. Она неподвижно сверкала. Как далеко он отбежал!

Прощай.

Он добрался до своего блока, принял душ, плюхнулся в постель.

Как хорошо.

В дверь постучали: сосед.

– Не спишь? Тебе звонили из Дели. Плохо было слышно. Там кто-то умер. Бира? Пира?

Агайна какая-то.

– Ира? – быстро спросил он. – Нагайна?

– Может быть. Было плохо слышно, извини.

Сосед ушел.

– Вот тебе и на. Вот и на, – так он начал повторять и заплакал.

Тут же он стал одеваться, закопошился, ища сухое, и наконец выбежал.

Она его искала везде и наконец нашла!

Он бросился вперед по шоссе, как тогда, на финише гонок.

Она засияла вдалеке, еле видная черточка.

– Андрей! Меня зовут Андрей! – кричал он в слезах.

Как же так, он ее не узнал.

Он добежал до светящегося столбика ограждения.

Только что проехала мимо машина, и столбик померк.

Он постоял, тяжело дыша, погладил ледяную шершавую поверхность, как будто это был надгробный камень, и поплелся назад.

Уезжая, она ему сказала так: «Я не вернусь. Или я вернусь после смерти. Денег мне больше не дадут. Преподавать не отпустят, слишком много желающих мужчин (она засмеялась). Это единственный способ. И я постараюсь тебя узнать».

Почти узнала.

Измененное время

Странная, какая-то дикая история произошла со мной.

Начиная с того, что это были похороны. Мы, большая группа когдашних однокурсников, хоронили нашего вундеркинда, мальчика, который пришел рано и ушел раньше всех, загадка.

Он теперь лежал в гробу молодым, худеньким как подросток, только что усы и бородка отличали его от привычного облика, усы и бородка, называемые «мефистофельскими».

Он при жизни всегда имел манеру хихикать, он как бы тайно, жалея и снисходя, но все-таки саркастически относился к нам, взрослому и идиотскому племени устаревших, застрявших во времени людей, он знал что-то (или нам это казалось с перепугу), чего уже нам было не узнать, он пришел к нам с большим опережением в возрасте, хоть это и парадоксально звучит, это ведь мы раньше родились. Но он, юнец, знал больше. Вроде бы и знал свою судьбу. Хихикал и торопился.

Точнее сказать: ему была дана фора! (Еще и вопрос, кем она была дана, но об этом тихо.)

Не то чтобы он был гостем из будущего – как известно, великие умы не есть порождение прогресса, они всегда возникали помимо времен.

Но все время это слово возникает в связи с ним: время.

Как он рос – да явно там, у себя в школе, среди сверстников и дворовых детей, особенно среди детей из своей среды (т. е. из дружественных и параллельных семей), он был нехстати.

Он уже кончил школу, а они паслись в каком-то глубоком детстве жизни. Во втором, что ли, классе, страшно сказать.

О чем ему было с ними говорить, в какие игры играть – но и с нами, откровенно сказать, ему было тоже скучно.

Он заблудился в годах, короче говоря.

Его работы были настолько странными и непривычными для всех, что народ слегка чумел и не знал, с какой стороны к ним подойти, с какими, в частности, мерками (мерилами, говоря пышно, сообразно событию). К реальности все это не относилось никак!

Он открыл нечто не поддающееся использованию или даже вредное для человечества, во всяком случае сейчас, то есть ныне (пышно выражаясь). Ныне были все еще приняты иные мерил.

Он сам относился к этому хихикая.

Какие-то пересечения времен он соотнес между собой.

Он носил с собой свои выкладки, лично являлся с ними на заседания кафедры.

Как-то любил бывать на людях. Находил в этом кайф. Хихикал в обществе и заносил записи в походную VC (ву-цет).

Его, правда, сторонились. Люди справедливо опасались, что он смеется над ними.

Наш Леон трудолюбиво и лично распространял работы своего ученика повсеместно, распределял между светилами нашего института, которые (светила) валялись дома у себя на диване и печатали полторы страницы раз в шесть месяцев, такая существовала периодичность, не реже (и каждый раз это было событие в ранге полумирового).

Леон закидывал мефистовские труды в мировую сеть, сам признавая, что мало понимает в данных выкладках, однако ожидал, что всё в мире, как всегда, рифмуется, идеи рождаются попарно в разных местах, и часто на явно безумную мысль находится другая такая же: недаром третья с конца проблема Вулворта была решена одновременно в Канберре и в академгородке Апатиты. С разницей в тридцать секунд. Наш апатитовский м. н. с. был первым, но поленился выйти в сеть и свалил на радостях купить бутылку по такому случаю.

Все равно он опубликовался раньше на эти секунды. Так сказать, оказался чемпионом мира (полмиллиона долларов). Хорошо еще, что в его VC автоматически проставлялись даты. У некоторых наших и того не было.

Правда, чаще всего на такое открытие находится оппонент с четкими аргументами.

Однако Леон зря метался. Таковых конгениальных не нашлось. Все кривились и пожимали плечами. По всему миру.

Идеи нашего младенца невозможно было применить и в военных целях, несмотря на то что это ведомство серьезно относится даже к ведьмам. Пыхтя пытается употребить.

Мефисто, однако, продолжал жизнерадостно хихикать, потирал худые детские ручки и напрашивался на любую пьянку на любом этаже, в том числе его видели справлявшим день рождения уборщицы у нее в подсобке, и дело кончилось свальным грехом, как всегда у него. Ребенку нравилось это дело, и возраст и количество партнеров (и их пол) не играли роли. Радостно пристраивался.

А так все пусто, пусто было вокруг него. Человечество молчало, чаще всего стараясь не замечать, инстинктивно игнорируя неведомое, т. е. почитая его за бред.

Мефисто как бы писал ноты, как маленький ребенок иногда балуется – и ни один виртуоз *а)* не в силах этого сыграть, и *б)* что незачем. То есть наши выражались в том смысле, что технические трудности тут преодолимы, но неохота участвовать. Белиберда.

Объяснение простое, однако его работы нас мучили.

Затем все покатило довольно быстро, Мефистофель начал употреблять, и не только спиртное. Якобы возникли проблемы со сном: а у кого их нет! Леон был в этом смысле образцом, все в его органоне протекало естественно, как у животного, он иногда восклицал после заседания кафедры, оказавшись в компании редко бывающего, раз в полгода вставшего с дивана коллеги: «Ты знаешь, как я сру? Раз – всё!»

Правда, Леон мучительно долго умирал, это у него шло параллельно с угасанием Мефисто.

Малыш специально, что ли, догонял своего учителя, как раньше Лермонтов все нарывался на дуэльный пистолет.

Крупные, все увеличивающиеся дозы превозмогли хрупкую натуру Мефисто, отец своих его на реабилитацию в клинику, дальше он уже сам пошел по больницам, сдвинулся, стал лунатиком, впадал в летаргию, однажды лежал два года с широко раскрытым ртом, остекленевший протез организма.

Наконец ему во второй срок (он продержался пять годков) отключили жизнеобеспечение.

Он, правда, сам и заранее написал, определил время, в течение которого его можно держать при жизни в бессознательном состоянии с помощью аппаратуры. Зачем-то ему это было нужно.

К тому моменту армия как бы уже подобралась с разных сторон, на манер наводнения, к его одной идее, и они как раз не дали ему уйти в первом приступе летаргии.

Второй срок, правда, они проворонили, в ординаторской у врачей все были в отпуску, жаркое лето, и одним прекрасным днем дежурная сестра получила по телефону указание вырубить СЖО. Она потом оправдывалась, что узнала голос главврача. Но главврач сказала, что была в тот день в Гааге как раз на конференции. И не стала бы оттуда заниматься такими делами. (Таковыми мелочами типа.)

Повторяю, его отключили в июне, но он дожил до сентября, вот фокус. Таял, таял.

Мы собрались все, могучий интеллектуальный потенциал нации, кто с гриппом, кто с трудом вставши с дивана. Бодрых и лихих, энергичных, обвешанных сотовыми микрофончиками, на могучих броневиках с пушками среди нас не было, да и не тот это был зал прощания. Так, зал в больничке на улице Хользунова.

Теперь он лежал, наш юный Мефисто, жалкий, восковой, ледяной, ростом с десятилетнего ребенка. С ним неловко прощались, почему неловко: стоило только тронуть его плечо, как человек понимал, что там, под шерстяной тканью, остались одни тонкие кости. Все сразу отдергивали руки. Тайна склепа не должна быть явной, вот что!

Он лежал и расставался со светом в полутьме траурного зала, а каков теперь результат его профессиональной деятельности, еще только предстояло узнать. В перерыве между двумя летаргиями вояки держали его на реабилитации в санатории. Он ни с кем не поддерживал связи. Леон умер в его первое отсутствие.

Как и раньше (думали мы), как и раньше, никому все это не пригодится, хотя одновременно несколькими (в пламенных и скорбных речах) была выражена мысль, что надо запустить в сеть память с его персональной ву-цет (VC). И надо просить у наследников разрешение на это, низко им поклонившись.

Жена покойного, толстая, простая баба, базедова болезнь и слабоумие в анамнезе, просто орудие наслаждения (как, хихикая, однажды обронил Мефистофель), русская негр, белая раба, испуганно кивала. Сын стоял, явно отсталый, открывши ротик. Двое людей с военной выправкой, склонив друг к другу простоволосые головенки, обронили по неслышной фразе. Вот это и были его наследники.

Поговаривали, что простуха жена ежедневно покупала ему литр водки. А ребенка попросили вон из хорошей школы.

Отчаяние, полнейшее отчаяние зияло вокруг этих двоих сирот.

А мы друг за другом говорили покаянные речи, я тоже сказала несколько фраз и отошла, имея впереди только спины стоящих, отошла, чтобы дать место другим.

На самом деле мы все чего-то ждали. Какого-то апофеоза, триумфа, как люди вокруг виселицы и особенно сам осужденный, стоящий в мешке на табуретке, – все, наострив уши, ждущий топота копыт и прилетевшего с помилованием посланца высшей воли.

Он не мог уйти просто так. Каждый из нас в это верил.

Атмосфера была накаленная в этом мрачном, сыром зале прощания. Как-то все медлили.

Однако распорядительница, тоже простая баба, имела в виду мертвую очередь скопившихся в коридоре гробов, и она навела окончательный порядок, велев прощаться с покойным.

Люди стали подходить к гробу, кланяться, креститься, жена с рыданием поцеловала Мефисто в губы, я тоже подошла, ведомая общим направлением движения.

Он меня любил. Между своими летаргиями он мне, хихикая, звонил. И до того. И уже скончавшись, сегодня утром пригласил на свои похороны, чтобы ему там пусто было.

Покойник вдруг оказался просто завален цветами, причем самыми роскошными. Дивной красоты эндемики, мелкие дикие орхидеи из амазонских джунглей, сноп голубых лотосов (астраханские, по-моему)... Выстроились венки с надписями на хинди и на иврите. Даже на хеттском было какое-то пожелание вечной жизни (я как-то расшифровывала эпитафию для племянника подруги).

Однако на одной из лент содержалась явная ошибка, золотом по черному было выткано «Любимой», вот какие шутки выделяет жизнь.

Я стояла в ногах Мефисто, мне был виден только его нос, обычный восковой нос с ямами ноздрей.

Неясное ощущение личной моей вины все росло.

Я вспоминала его отчаянные звонки, его письма, которые он, не скрываясь, посылал мне прямо на институтский почтовый ящик, который можно было вскрыть на любом экране VC, на первом попавшемся рабочем месте, даже в канцелярии.

Счастье еще, что только одна я их понимала. Он знал, что я могу расшифровать практически все. Меня тут и держали как простую дешифровщицу. Вояки присылали за мной и каждую мою работу оплачивали институту немаленькими деньгами.

Но я не всегда принимала их заявки, установив определенный график, сутки через трое меня не было нигде.

Я посещала некоторые заветные места, и Мефисто об этом догадался. В частности, тяжелую таблицу для племянника подруги (в просторечии «скрижаль») я приволокла на время после четырех суток отсутствия. Мефисто позвонил и прямо спросил насчет третьего пункта, верно ли переведено.

Несколько десятков писем Мефисто были посвящены проблемам изменений времени. То, что у многих день путается с ночью, это мучительно, но обыкновенно. «У меня могут наступить другие часы жизни, – жаловался он, – однако! Как говорится, все нам доступно, но не все полезно. Я не могу покинуть своего сына».

Я ни разу ему не ответила.

Он к этому был приспособлен. Он работал только из себя и не принимал ничего, никаких встречных сигналов, они были ему не нужны.

Даже когда Мефисто писал, что больше некому, после ухода Леона, посылать сообщения. Подумаешь!

Я не ответила ему, что мне и при Леоне некому было слова сказать.

Разве что задать вопрос нескольким людям в свое отсутствие, но это особь статья. Лысому курносому в ожидании его сарказмов.

О, тамошнюю меня никто бы не узнал здесь. Мальчик-женщина с голыми коленками, платье мини (оно там иначе называется). Камни, жара как из хлебной печи.

Кстати, другим нашим сотрудникам Мефисто посылал ровно такие же тексты.

Мы все обменивались фразами, короткими, как одиночные выстрелы, мы, подпольные кроты, каждый со своими проблемами (миллион долларов решение).

И мы пришли к общему выводу, что наш младшенький неадекватен времени по определению, но только сейчас его это стало мучить, с появлением сына.

А ведь таковым посторонним он пребывал всегда, вечно, и никто в мире не способен сейчас заставить его вернуться, допустим, с небес на землю и попытаться жить сообразно своему земному возрасту.

И, что основное и трудноосуществимое, нельзя заставить его не создавать всё новые неразрешимые проблемы! Взять хотя бы его ребенка. Мефисто пытался родить обычное чадо, взял женщину из народа, из буквально посудомоек, но, видите ли, дитя не влезает в рамки ни единого учебного заведения нашего времени! Не понимает деления и умножения, никаких правил, они ему не нужны изначально. Из первого класса крошку ликвидировали, направив его в школу олигофренов. Он и там не отвечает на вопросы. Он давно уже занят тем, что ему безрассудный папаша втемяшил в мозги, создавши из него некоторый ходячий полигон для решения теперь уже третьей проблемы Золтанаи (полмиллиона долларов). В одном из писем Мефисто ужасался своей недалекости. Не мог, дескать, предугадать, что так будет умирать насчет сына.

Ребенок, можно это видеть, даже у гроба размышляет интенсивно и бесшумно, пуская слюнку изо рта.

«Я должен уйти, но не могу их покинуть, Фаина выдающийся человек, однако она беспомощна без меня, а Дима вообще еще не может оформить решения как следует. Не владеет аппаратом вывода на мою VC! Как я их оставлю!»

Мысленно я нашла для него выход из положения – умереть на время.

Он как-то умудрился отсканировать мою мысль из ноосферы (используем слова великого В.), т. е. вне связи. Или эта идея, согласно закону мировых рифм, пришла к нему тоже.

Летаргия номер один позволила его семье жить безбедно (армия терпеливо ждала), мальчик работал над второй частью проблемы Золтанаи еще два года (еще 500 тысяч долларов).

«Спасибо тебе, моя любимая, я замедлю еще раз уход, пока не решу свою задачу с временем. У вундеркиндов слабый животный потенциал, к сожалению», – написал он мне на общеинститутский почтовый ящик, причем графически изобразил это в виде примерно такой абракадабры, каковую любой младенец может извлечь из VC, если начнет барабанить по клавишам двумя кулаками.

Я убедилась, что он читает мои мысли, те, быстрые, из первого ряда.

Больше я не думала о нем.

Он, правда, вынуждал меня это делать иногда – к примеру, как сегодня.

Я торчу перед венком с надписью почему-то «Любимой»!

Явная ошибка.

Всюду этот юмор жизни.

Итак, повторяю, мы всем коллективом не смогли заставить его не создавать проблем, до которых еще не доросло наше бедное человечество, и заняться рядовыми десятками постулатами, каждый из которых представлял собой непреодолимое препятствие, неразрешимый вопрос (как заповедь «не убий» для солдата-католика).

А вояки, платившие ему, те не в счет, они в основном терзались над вопросами попроще, типа насчет НЛО, желая управлять этими мультипликационными процессами (cnth-анимация разряда DI) для трансконтинентального устрашения врагов.

Вернемся к обстоятельствам.

Я стояла за горой цветов, недалеко от изножия гроба. И нахальная ошибка с венком, на котором было написано «Любимой», маячила передо мной отчетливо, как всякое золото на черном, как наряд восточной женщины.

Перепутали буквы! Надо «Любимому»!

Вдруг посреди этих невеселых мыслей я поняла, что в музыку, обычную погребальную органную музыку, вторгся вульгарный шум.

Кто-то хрипло визжал, орал, кого-то поднимали с пола там, впереди, у изголовья.

Происходила невероятная для этих обстоятельств истерика!

Вдруг я услышала грубый, громкий голос. Некий мужчина встал в центре зала со словами: – Она всех вас приглашает на поминки. Милости просим помянуть ее!

У этого неизвестного мужика было лицо алкоголика с ярко выраженными признаками.

– Усопшая бы вас сама пригласила, если бы встала!

Очевидно, это была шутка.

Она – это кто? Усопшая – это кто тут?

– При жизни, – давясь от слез, выкрикивал мужчина, – вы не все ее посетили, так спасибо, что посетили после смерти, и вас так же будут навещать! Вас всех!

Поднялся недовольный шум.

– И милости просим на поминки, места у нас хватит, заказана столовая при заводе. Скоро помянете! – надрылся человек, обливаясь слезами.

Люди как-то стали двигаться к огромным дверям.

Слова мужчины содержали явный упрек всем собравшимся. Кроме того, он пригрозил нам одним на всех скорым наказанием – «вас так же будут навещать».

Я заглянула поверх груды цветов, ничего не разглядела.

Виднелся только нос Мефистофеля, странно раздувшийся, как от насморка.

Остальное было прикрыто полосой ткани.

Какой-то сумасшедший проник в зал, это явно, и кричал. Отсюда суматоха, странная свалка на полу, какая-то борьба.

Надпись «Любимой», однако, содержала еще какие-то слова, не видные из-за скрутившейся ленты.

Я подвинулась поближе к венку, дотянулась рукой и расправила надпись.

«Любимой жене Алевтине!» – таков был венок.

Рядом я прочла опять-таки «Дорогой Алевтине» и какое-то сложное, свернувшееся в трубочку отчество, пропавшее среди цветов, и «Любимой маме от Ольги и внуков». Что за бред?

Мефистофель стал женщиной и умер в старости?

Вот это новость так новость, вот это перескок, смена времен!

Но ведь он писал мне, что скоро найдет способ оставаться прежним в изменившемся будущем.

– Дорогая Валя, – слышался новый плачущий, теперь женский, голос. – Алевтина! Прости меня!

Я подобралась поближе. Ни усов, ни бороды у покойника! Старушка явно!

Все понятно. Я попала не туда.

Но как же так, всего две минуты назад я явственно видела нос Мефисто!

У меня что, произошло выпадение из времени? Я тоже перескочила, пропустила все, на ходу потеряла сознание и очнулась позже? Позже на сколько?

Час или десять минут я была без памяти? Тут, ровно на этом месте, простояла как истукан?

Мефисто ведь работал над проблемой пересечения времен. Перетащил меня в другой момент?

Кстати, я уже вчера отметила некоторые несообразности в своей собственной жизни: утром, оставив на зажженной конфорке сковороду с омлетом (уже не успевала поесть), я, вернувшись домой вечером, обнаружила ее, совершенно черную, обгоревшую, в раковине, а плита была выключена.

Притом я точно знала, что именно забыла сковородку на плите, и за весь день ни разу о ней не вспомнила! И когда это я возвращалась к себе домой, когда выключала огонь, когда ставила обгоревшую сковороду в раковину? Этого же не было точно! А живу я абсолютно одна, и дверь отпирала своими ключами, которых нет ни у кого! И не могли воры войти в квартиру, кинуться к дымящейся сковороде, привести все в порядок и уйти с миром!

Явно поработал добрый дух, явно.

И вот теперь я стою как полнейшая идиотка среди посторонних людей и хороню постороннюю бабушку! Какую-то «Любимую»! Причем уже давно я пялюсь на этот венок, почти с самого начала, когда встала в изножье гроба...

– Простите, сколько у вас на часах? – спросила я женщину впереди себя.

Она ответила, полуобернувшись (я увидела незнакомый профиль и красный нос):

– Тринадцать тридцать.

Вот это да! Похороны Мефисто были назначены как раз на тринадцать тридцать! И я еще опоздала минут на десять, и нас долго не пускали, предыдущие никак не выходили... Где-то около двух часов мы вошли в этот зал.

Я посмотрела на свои часы. Три ровно.

– Извините, а какой сегодня день?

Она даже не обернулась, только покачала головой:

– Понедельник.

Так. Понедельник это и был. Я прекрасно помню.

– А год, год какой? Понедельник какого года?

Она покосилась на меня через плечо и промолчала.

Может быть, подумала, что я не в своем уме или просто захотела поговорить, посторонняя всем на этом семейном сборище.

Я и одета была совершенно не как они, без черного платка на голове. Вообще без шапки.

Я потихоньку вышла из морга в чистое снежное поле, по которому шла наезженная дорога, усеянная еловыми веточками и пестрыми лепестками.

Дорога вилась в полях до горизонта. Автобусы стояли рядами у здания с трубой (это был, видимо, крематорий).

А я же ведь в два часа приехала на улицу Хользунова, такси ползло через все городские пробки, водитель долго блуждал по переулкам, ища возможность проникнуть на улицу с односторонним движением. Вокруг простирался шумный, грязный, забитый транспортом город, солнышко показывалось из-за туч, тротуары были мокрые... Конец сентября был!

Белое безмолвие окружало меня.

Я повернула к автобусам.

Что самое неприятное, всем здесь я была посторонняя, и теперь надо пристраиваться к чужим автобусам, к чужим людям...

Я вернулась в зал крематория, инстинктивно пробралась к той тетушке, у которой я спрашивала время. Это был единственный знакомый мне человек в данном времени.

Тут уже лилась траурная музыка, гроб уходил за занавеску, люди рыдали, кто-то очень громко выл, буквально во весь голос, отпустивши поводья. Плакальщица явно профессиональная, заводная.

Вдоль стен стояли те самые венки с надписями «Любимой», «Дорогой», «Незабвенной». Женщина, та, моя единственная родная душа, полуобернувшись, сказала:

– А Николай так ее и не увидел.

– Да, – ответила я тихо.

Она меня явно за кого-то приняла!

Играя свою роль подавленной горем родственницы Николая (как меня зовут-то?), я немного суксилась, понурилась и побрела наружу теперь уже в толпе, имея в поле зрения свою знакомую, вернее ее спину. Вслед за этой черной спиной я забралась в автобус, надеясь куда-нибудь приехать.

Одета я была, конечно, несоответственно – легкая куртка, брюки, все темное, очень приличное. Черные очки! Я их быстро стащила. Любопытствующие уже оборачивались (я села на заднее сиденье справа).

По рядам пошла гулять бутылка водки, мне тоже налили в пластмассовый стаканчик.

– За нашу дорогую, – провозгласил кто-то впереди, и все согласно кивнули и выпили. Я сделала вид, что пью, переждала немного и вылила водку себе под ноги. Хорошо, что рядом сидящий мужик в это время дул из горла своей, отдельной бутылки.

– Как тебя? – спросил он.

– Лена, знакомая Николая.

Спасибо тетке.

– Ты откуда?

– А вы откуда?

– Я-то с Талдома, – с большим упреком ответил мужик.

– А как вас зовут?

– Николай.

– Тоже? – глупо сказала я. – Николай... Надо же... А как отчество?

– Так Петрович. Ну... а ты откуда? – как-то уже не сдержался он.

– А я из Америки, – вдруг вырвалось из моего рта.

– А, – развязно отвечал мой Николай. – Слышали мы, слышали о вас.

Бог ты мой!

– Ну и как ты теперь? После этого убийства? – спросил он с некоторой оттяжкой.

– Я?

– Да. Вот ты. Не будем вообще вспоминать, она о тебе говорила всю свою жизнь. Она верила, что найдет тебя...

(И прикончит, подумала я.)

И, опережая события, ляпнула:

– Меня осудили.

– Сколько дали?

– Двадцать лет.

– Дела, – кивнул мой Николай своей дурной головой. Видимо, в знак того, что двадцать лет – это справедливо.

После чего он выдул бутылку до дна.

Затем он заснул, успокоенно положив на мое хилое плечо эту свою голову, набитую теперь полнейшей информацией.

Слева от меня сидела еще одна тетка. Она все, оказывается, слышала.

– Валя о тебе говорила всю свою жизнь, – подчеркнула уже сказанное тетка. – Она верила, что найдет тебя. Это Николая, – объяснила тетя вперед мужику и старушке.

Те обернулись.

– Как она мечтала тебя убить! – сказала старушка.

– Она же закончила свою жизнь на балконе, думала тебя встретить сверху, – продолжала тетка слева.

– А я не успела, – ответил мой рот. Тяжелая голова Николая-2 подпрыгивала на моем плече, дорога была неровной.

– Вот так да, – сказал старичок и обернулся ко мне. – Николая собственной персоной, Николая Степановича. Где же был ты, Николай?

Я заметалась. Что это, я стала Николаем?

Потрогала лицо. Нет, все мое со мной. Курточка, под курточкой свитерок, белье, грудь.

– Где он был, там его нет, – продолжала я этот дикий разговор. – Он пасет ослов на Апалачах.

Они покивали.

– Ослов, козлов на даче, – пронеслось вперед по рядам. Кто-то не расслышал и переврал.

Не важно, что они там мелют, главное, чтобы они не оставили меня в этой заснеженной пустыне. А довезли бы куда-нибудь.

– Тебя теперь отпускать нельзя, – сказал старичок. – Она так ждала этой встречи.

– Так ждала, так ждала, – понеслось по рядам.

Внезапно я ответила так:

– Какой знакомый крематорий! Я хоронила здесь Риту. Был батюшка.

– Да-да, – заговорили в автобусе. – Сколько мы сюда перетаскали!

Минуты две они наперебой выкрикивали имена и фамилии, стали спорить, выпили еще, затем запели.

За окнами темнело.

Какой хотя бы год?

– Ни у кого газеты нет? Ноги промокли, – фамильярно обратилась я к автобусу.

– Я хоронил тут Элизбара, – обернувшись, ответил спереди щербатый старичок, – начальник цеха был! Винзавод уже закрыли. Новое оборудование купили, всех уволили... А Любу еще раньше. Ее прямо вынесли. Говорила: «Пила до вас и после вас буду!» А техник-технолог. Мы привозим ее, она свекрови кричит: «Ну ты, деловая! Мой халат снимай!»

– А что такое время? – спросила я.

– Время? – услышала женщина слева. – Пора спать. Время ночь.

Николай поднял голову с моего плеча и ответил:

– Пять часов?

– А Шуру тут хоронили, – сказала ему я. – Такой Шура Мефисто.

– Это сколько раз было! – Николай даже отпрянул от меня. – Я с ним вместе учился!

Здрасьте. Приехали.

– В каком классе?

– В десятом.

– Но он был моложе вас?

– Да, было ему восемь лет. Моложе! Это не то слово. Он пришел к нам в сентябре из второго класса, видали? Мы уже усы брили! Закончил сразу за месяц школу и в октябре поступил в университет и тут же, когда ему исполнилось десять, его закончил!

– Подумать только...

– У таких людей, – назидательно продолжал Николай, – есть привычка возвращаться и перескакивать туда-обратно через некоторое время! Это и есть бессмертие, – сказал он. – Меня таскал. И всех с собой гоняет. Возвращаюсь как огурец, а моя жена бабушка.

– Вот у нас какой год? – придирчиво спросила я.

– Не это важно! – воскликнул нетрезвый Николай. – Он вообще сейчас в клинике живет на сохранении.

– И как себя чувствует?

– Да чувствует, – отвечал Николай. – Скучает. У него целый этаж. Да это не здесь. Сын профессор. Миллионер. Жена то там, то там. И Шура этот Мефисто мне все время звонит. Когда явишься. (Неожиданно он вызверился.) Ра-бо-та у меня, ясно?

– А вы кем работаете?

– Я? Я оператором. Ты что, маленький ребенок? Иди в люлю! – вдруг сказал в пространство Николай. – Я же оператор! Уборочный комбайн! Сутки через двое!

– А мы сутки через трое, и мне сейчас заступать, – перебила я его и спустя некоторое время уже шла среди мраморных колонн.

Сияло вечное небо. У меня были голые коленки, на кудрявой голове ловко свернутая ветка плюща.

Лабиринт

В тот момент, когда земля задышала, месяц выступил как бледная чешуйка на еще светлом небе, а трава уже была тут как тут, то есть апрельским вечером, девушка Д. наконец пришла на садовые участки садоводческого товарищества «Лабиринт», раскинувшего свои домики среди плодовых деревьев, уже тоже окутанных зеленым туманом.

Дом только что похороненной тетки, престарелой и нищей, выглядел почерневшим от дождей, но был вполне крепкий.

Внутри оказалось пыльно, пахло яблочной гнильцой (на просторном чердаке лежали в газетах морщинистые коричневые прошлогодние яблочки, тетка не успела их вывезти, вывезли в больницу ее самое). Две комнаты и терраса, однако, были вполне пригодны для жизни, разве что замусорены до ужаса, просто разграблены посмертными посетителями, все было высыпано как из рога изобилия.

Правда, шкаф и кое-какую мебелишку не вынесли вон, было на чем есть и спать. Хорошо также, что имелись газовое отопление и плита, тетка прекрасно подготовилась к длинной старости. Тетка жила тут безвылазно, одиноко, никого собой не обременяя, идеальный случай, хотя слегка и тронулась, видимо, потому что соседки рассказали, что ранней весной, приехав на посадки редиса по снегу (такой способ), застали ее на участке (в последний год жизни) и спросили, каково-то было тут обитать одной, а она ответила, что я не одна, со мной Александр Блок, вон он, навещает, и она кивнула на дом. Вид у нее уже был плохой, но какой-то даже счастливый.

Д. после этих рассказов (она узнавала у соседки как раз насчет газового отопления, как включать) – Д. после такого предисловия решительно взялась за полы, вскоре развела костер из бумажных отходов, сортировать не было сил, а там мелькали письма, стихи, счета, заполненные тетради, какие-то списки, важные следы чужой жизни, гори оно огнем! Стихи она взяла в руки поинтересоваться – оказалось, действительно строчки Блока. «Мне снится берег очарованный», выцветшими чернилами с буквой ять, какое-то странное послание.

Позже она вспоминала о тех тетрадях, жалко, что сожгла, может быть, тетка что-то бы ей оттуда, из-за гроба, как-то сообщила, ведь тексты – это опыт чужих ошибок, лазейка в лабиринте, наука дуракам и т. д.

Но что сделано, то сделано, тогда еще Д. не любила свою тетку, как полюбила позже.

Короче, до самой ночи Д. устраивалась на ночлег, надо было спешить освободить хотя бы одну комнату, но, поддавшись наркотику труда, Д. не успокоилась, пока не убрала, не вылизала весь домик. Костер чужого ума горел ясным пламенем на участке, валил сладкий дым, мокрые тряпки после мытья пола и окон висели на нижних сучьях, а Д. нашла банку довольно пригодных белил и заодно, пропадающая от усталости, побелила изнутри и рамы окон (снаружи завтра).

Это был такой трудовой запой, видимо, инстинкт рабочих пчел, который ведет по жизни многих и многих женщин, сладко наводит порядок на новом месте весной!

Домик сиял.

Д. была счастлива, как никогда.

Дом тетя Леля завещала именно ей, и никаких пап-мам Д. не хотела звать ни в гости, ни тем более на постой, ее семья жила шумно, откровенно, даже цинично, и Д. стремилась вон из этого вонючего людского тепла – туда, где никто не вынудит незамужнюю девушку плакать, накрывшись подушкой, особенно после откровенно-заботливых возгласов отца, что ничего, что дочь у нас не девица, заклеим бумажкой и выдадим замуж! Мать в ответ кричала: «Идиот поганый». Возникал обычный семейный круговорот, теплый, густой, как суп, ежедневный, обязательный, обезоруживающий, потому что отец страдал, уязвленный тем, что некто Миша не женился на дочери, прожил просто так два месяца в квартире, проужинал шестьдесят раз,

поварился в семейном котле среди циничных, откровенных слов заранее огорченного отца («А кто он нам? Пусть идет, куда шел») и громких, не менее циничных возражений матери; за отчетный период Миша перебрал свой пуховой спальный мешок, с которым приехал к невесте, каждый вечер терпеливо разворачивал и перебирал комок за комком, затем выстирал все по отдельности в мыльной стружке, сам все приготовил: таз, тазик и ведро – опять разложил высухшее по полу, простегал крупными стежками, ни слова ни говоря, потом скатал, собрал вещи и вышел вон к ночному поезду, турист, походник, мужчина, немногословный, как полагается.

Ребенка у Д. не завязалось, Д. вообще все эти два месяца до ужаса стеснялась отца и мать, пребывающих за тонкой стенкой, они ни разу не ушли из дому, ни в кино, ни в гости, ни просто погулять, вроде бы сидели и сторожили.

Несостоявшийся зять, который все это время ночевал на полу в одиночестве, уезжал как бы временно, завязал свой рюкзак, водрузил на него спальный мешок выше головы и, наскоро простившись с плачущей Д., она лежала как в горячке на своей кровати, канул в вечность, не поняв и не приняв ничего, эту семейную атмосферу полной правды в выражениях, убрался домой куда-то за Уральскую гряду, где у него была своя, в свою очередь, еще не старая мать, тоже откровенная до ужаса, которая в ответ на телефонный звонок Д. прямо сказала: «Нечего сюда звонить, поняла? У него хорошая невеста тут».

Д. решила ночевать на полу, на своих одеялах, а тахту и ребристый диван пока только протереть, насчет же выбивания пыли подумать завтра, как это выволочь во двор.

Потом она села пить чай и все думала о тетке. Почему она завещала дом именно ей, причем тайно, вызвав ее на свой вокзал, отдала бумагу, говорила кратко, глядя на Д. круглыми, очень светлыми карими глазами (цвета чая) со своего румяного, коричневатого, как печеное яблочко, худого лица. Она вроде бы опаздывала (куда?) и спешила на поезд, хотя эти поезда ходили туда-сюда каждый час.

Причем, что чудом можно было бы назвать, на среднем пальце правой руки, когда тетка заботливо сняла самовязаную коричневую шерстяную варежку, у нее обнаружилось кольцо с круглым, выпуклым ясно-коричневым камнем точно под цвет глаз. Зачем тетка его надела на вокзал? Что за щегольство?

Позже-то это кольцо нашлось, Д. его обнаружила, вернее, изумилась, увидев, но именно позже.

Отношения между теткой и ее младшей сестрой, мамой Д., были давно, с детства, плохими, мама Д. родилась, когда тетке было уже восемь лет, и ревность поселилась в ее сердце, ревность и зависть, особенно когда мама Д. выскочила замуж, тетке нравился мамин жених, это явно. Такую семейную легенду мама повторяла не раз, а отец, смеясь, не отрицал. Сама тетка так и осталась при родителях старой девушкой, проводила инвалидов на погост вкупе с их болезнями и неподвижностями, несчастная, все звонила, приглашала попрощаться с еще живыми, чего прощаться заранее, не каркай, яичница, шутил отец. Он называл свояченицу «яичница» и часто говорил: «Яичница, напиши на меня завещание, ты же одна, хоронить тебя буду я».

Д. пила чай на свободе на теткинском завещанном раздолье, за чистыми стеклами сиял негаснувший майский закат.

В детстве Д. провела здесь как-то летний месяцок, уже после смерти деда и бабушки, по очень важному поводу: мама Д. легла в больницу, а отец мигом уехал в командировку, и тетя вынуждена была взять маленькую Д. на дачу. Девочка Д. заболела вскоре, плакала перед сном каждый вечер, тосковала по маме с папой, а тетка приходила к ней, брала на руки, завернувши в одеяло, как младенца, даже сшила ей специальную куклу-мальчика, Пирамидона, чтобы Д. принимала пирамидон. Тетка читала ей какие-то непонятные стихи, при этом она зажигалась чуть ли не страстью и произносила стихи с силой, а Д. капризничала и не хотела слушать.

Потом все душевные раны у маленькой Д. зажили, ребенок, как кошка, должен привыкать к одиночеству, если его бросили, что делать, она и привыкла к тете, неотлучно ходила при ней в магазин, на станцию, даже поехали однажды в электричке и на автобусе на почту в райцентр звонить. Тетя заказала разговор, взяла трубку, услышала чей-то голос, но говорить не стала, сразу вышла из кабины и со скандалом взяла обратно деньги за неиспользованный разговор. Они к тому моменту уже прожили вдвоем месяц, а тут вдруг, вернувшись в «Лабиринт», тетя собрала вещички Д. и повезла ее на электричке в Москву, и там молча отдала в дверь отцу, мать тоже была дома, оказалось, мама провела в больнице только три дня, и отец сразу же вернулся, командировка была короткая, но они так, хитростью, решили заставить тетку взять маленькую Д. к себе на дачу! Свежий воздух нужен ребенку! Они проклинали тетку на все корки, они рассчитывали уехать в отпуск в военный санаторий, куда детей не брали. Уже были на руках путевки. Что же, пришлось сдавать одну путевку, и мать, ругаясь, поехала с Д. тоже в Судак, там сняла за дорого комнатку на двоих, и так и прожили недовольные двадцать четыре дня, а очень хотелось отдохнуть одним на воле без детей в военном санатории. Отец вечно опаздывал в свою палату, уходил от матери в санаторий нехотя, лазил туда в окно на первом этаже после отбоя, утром встречался с семьей недовольный, и они с мамой ругали и ругали тетю Лелю.

Так что воспоминания о тетке были самые недобрые, и почему она вдруг решила оставить Д. свою дачу, непонятно.

Но факт остается фактом, раздался звонок, далекий голос закричал: «Москва, говорите с Рузой», – и теткин еле слышный голос назначил Д. свидание на вокзале, на шестой платформе у ступенек, завтра в три.

Тетка, как уже было сказано, сияла нездоровым румянцем после двух часов пути, глаза ее были прозрачные, как полированное красное дерево, и тетка сунула Д. согнутую пополам новую бумагу со словами:

– Ты у меня одна. Я тебя вспоминала, моя голубушка, как ты часто плакала, а я тебя баюкала. Я написала в твою пользу завещание на свой дом в «Лабиринте», тебе позвонят. Под дождевой бочкой в саду на глубине лопаты будет закопана стеклянная банка с подарком. Мой поезд скоро, беги, ты опаздываешь, ты стала такая взрослая, красавица...

Д., идя домой, поразились, никто ей не говорил никогда, что она стала красавицей, мать, наоборот, критически смотрела на Д. и была всегда недовольна ее ростом, дородностью, румянцем, кричала, что меньше есть надо булочек в институте, что сейчас не модно быть толстой, не нажираться хоть на ночь, опять все конфеты уничтожила!

И взрослой она стала даже слишком, работала в институте уже восьмой год, в справочном кабинете, заполняла формуляры вдали, в пыли, расписывала газеты и журналы по тематике, раскладывала по папкам, ходила с женщинами из библиотеки в бассейн, сеанс по воскресеньям в восемь утра. Сутулилась. Мать кричала в бессильной муке: выпрямись, кулема!

Д. прочла в метро составленное теткой завещание, причем вспомнила, что после смерти деда мама долго настаивала на том, чтобы Леля прописала к себе Д. или хотя бы съехала с ними, с оставшимися в живых родными, но тетка Леля даже разговаривать не хотела, бросала телефонную трубку.

Д. не стала спрашивать старуху, что с квартирой.

Теперь, сидя на дачном участке в домике тети Лели спустя столько лет, Д. снова задалась вопросом, что же случилось с квартирой, это ведь было бы большое богатство для нее, стареющей библиотечной крысы, жить с отцом-матерью становилось невыносимо, они все трое сидели как в общей камере, в заколдованном тесном кругу своих двух комнат, причем старики имели обыкновение ругаться друг с другом, а Д. лежала на своем диване и грызла что-нибудь, глядя в телевизор.

Но квартира, видимо, пропала, мать с отцом куда-то вместе ездили после извещения о Леле, мрачные возвращались, Д. ни словечка. Что-то случилось с квартирой, если тетя Леля

круглый год так и жила в этом почти картонном имении, в фанерных стенах, и не показывалась в Москве. Что-то случилось. Если бы отцу с матерью удалось что-либо получить, Д. сразу же узнала бы новость по их радости, по пению отца в кухне. Мать бы оказалась единственной наследницей тети-Лелиной квартиры, и Д. была почти уверена, что немедленно все было бы продано и положено на сберкнижку «на старость».

Кстати, сама Д., приехав с вокзала тогда, сразу сказала старикам, что получила от тетки Лели завешание в виде дачного домика, они ворохнулись, захотели участвовать, закипели, всполошились, но Д. твердо сказала, что тетя-то жива еще.

Когда же Леля померла в райбольнице и им позвонили, то одна Д. поехала в ту больницу, повезла деньги, которые заняла у подруги, но там, в глуши, все оказалось много дешевле, чем в городе, она заказала гроб, грузовик, яму, всё.

Когда она вернулась после того первого раза, родители куксились, роптали, скучали, как малые дети, но наконец не вытерпели и произнесли свой приговор: не поедем! Вообще не поедем! И летом туда не поедем! Хотя это не одной тебе, я тоже наследница, заявила мама, обижаясь заранее.

Отец заорал, что будет приезжать на дачу, когда захочется, это общая дача семьи, ничего ты не сделаешь, родного отца не выгонишь, на что Д. робко ответила: «Родного ли?» Мать вскрикнула, отец грубо выругался, обычная вещь, заурядный разговор.

Всё. Д. справилась одна, вернулась с кладбища автобусом до станции, проехала на электричке две остановки и отмахала лесом до «Лабиринта» три километра со своим рюкзаком, открыла наспех приколоченную доской дверь (замок сорвали воры), вдохнула запах яблочной гнильцы, сырости, едкой пыли...

В рюкзаке Д. всю эту нелегкую дорогу волокла старые одеяла, подушку, бельишко, пару банок консервов и полбатона, какие-то опять же старые одежки для работы на участке – на похороны приехала с этим добром и у могилы стояла, держа рюкзак в ногах... Грузовик ушел сразу же, как только вытянули из него гроб, обратно пришлось шагать, ждать автобуса, опять мерить резиновыми сапожищами километры...

И вот теперь такая награда, чистый, теплый дом, батареи налиты горячей водой, горячая вода в чайнике, а выйдешь наружу – еще ледок на почве, холодный, свежайший воздух буквально щиплет горло не хуже газировки, захватывает дух от неба, тишины, месяца... Батон и консервы Д. умяла как мясорубка, на завтра оставались еще консервы, и что?

А было вот что: Д. обнаружила у тетки стеклянные банки с крупами, все они стояли в подполе, каждая такая банка (трехлитровая) была накрыта пустой консервной жестянкой, от крыс, и сверху придавлена булыжничком. Воры не нашли этот подпол, а там было много чего, варенья, соленья, они обнаружили другой, дверца в который была нещадно сорвана ломом, а в тот вел вход из-под шкафа, тетя Леля в свое время показала Д. эту тайну, тайничок.

Там же тетка хранила фарфоровую посуду, стопку тарелок, какие-то старозаветные молочник-сахарницу, затем новые половики, швейную машину, хорошо смазанную маслом, инструменты и какие-то ящики, надо будет посмотреть с гвоздодером.

Но это все Д. предусмотрительно опять задвинула шкафом, примерилась, походила и вдруг постелила себе на теткиной кровати.

Однако тут же она вспомнила про слова тети Лели о том, что под бочкой в саду закопана стеклянная банка с подарком, взяла лопату и вышла на воздух. Деньги за ту тетину квартиру?

Д. стала быстро представлять себе, как купит на эти деньги себе квартиру, не век же коротать жизнь в этой хибаре. Купит квартиру, мебель... Напишет Мише... Приезжай срочно связи изменениями жизни.

В бочке было уже до половины воды со льдом, пришлось вычерпать все ведром, завалить бочку, откатить ее и только потом взяться за раскопки. Сразу же звякнула лопата, и Д. вытащила из земли грязную баночку, пустую на вид, только на доннышке что-то перекатывалось.

Открыв тут же, на воздухе, пластиковую крышку, Д. опрокинула баночку себе на ладонь и увидела то самое серебряное колечко со светло-коричневым камушком: было бы что прятать!

Тем не менее Д. сняла варежку и надела кольцо на безымянный палец правой руки.

И с этим орехово-коричневым кольцом она вышла на уже темнеющем закате в сад, подернутый первой зеленью, и открыла калитку.

Она остановилась под небом и стала радоваться, душа ее буквально расцвела, и долгие годы свободы и покоя встали перед Д., переливаясь как радуга.

И тут же Д. испугалась, услышав твердые шаги.

К ней приближался странный прохожий.

Он был в высоких кожаных сапогах, в странном полупальто и в барашковой шапке, а в руке у него была тонкая палочка. Как трость слепого.

Прохожий остановился и спросил у Д., не видела ли она тут другого такого же желтого дома. Там обитала такая красивая девушка одна, без родителей. Зовут Ольга.

Затем он помолчал и сказал Д., что вышел вслед за Ольгой, когда она вдруг куда-то исчезла, он бросился ее искать – и потерял даже дом. То есть что он пошел следом и плутает уже больше месяца.

«Больше месяца! – подумала Д. – Врет как!..»

– Я никого здесь не знаю, – чистосердечно ответила Д. и ушла, заперев калитку, и он удалился, а затем, убирая следы от своих раскопок и катя на место бочку, она опять увидела незнакомца, который двигался обратно, и вышла теперь к нему сама, и они стали обсуждать, что незнакомцу делать. То есть больше говорила сама Д., что можно идти на станцию три километра, два часа – и Москва. Надо посмотреть расписание. Должен быть еще один поезд.

Он же отвечал, что не из Москвы сюда приехал, в Москве и нет никого, уже нет.

Тут она лучше рассмотрела его: темное лицо, светлые, какие-то неземные глаза, которые все порывались смотреть вверх, как бы ища в светлых тоже небесах тот желтый дом, а может, ему было неудобно смотреть на толстую Д., румяную, здоровую, с растрепанной косой, с красными от ледяной воды руками, причем в старой куртке и замурзанных походных штанах.

Лицо у него было продолговатое, худощавое, со следами как бы неровного загара. Он был старше Д., то есть сорока с гаком лет, почти старик.

Он сказал, что ему показалось, что именно этот желтый дом ему нужен, а он опять дорога вывела не туда. Лабиринт какой-то.

– А это товарищество и называется так – «Лабиринт», – весело сказала Д. и пошла вместе с новым знакомым обходить дома и искать другое желтое строение.

Дачные поселки тут перетекали один в другой, шли десятками километров вдоль железной дороги, а новый знакомый не знал ничего, кроме «Ольга» и «М.».

Ночь все не наступала, Д. сама заблудилась в этой череде тихих песчаных улиц. Месяц сиял над садоводчеством, пели соловьи. Д. с трудом нашла даже свой дом, в окне которого мелькнул свет. «Родители приехали!» – с ужасом подумала Д. и неуклюже сказала бедному страннику:

– А теперь позвольте откланяться!

И побежала, мотая косой, к себе за калитку.

Он остался стоять за забором, постукивая стеком по голенищу, легкомысленное постукивание для потерявшегося в лабиринте, а Д. с тяжело бьющимся сердцем взойшла на крыльцо и толкнула дверь – она была не заперта, но домик оказался пустым.

В комнате горела лампочка, совершенно не нужная при стойком свете заката, бывшего в окне. Д. вспомнила, что действительно оставила свет на всякий случай, чтобы не заблудиться.

Палочка уже не постукивала нигде.

Д. разделась, натянула огромную тетину полотняную рубаху, легла. Вовсю свистел один соловей. Где-то, в мокрых сапогах, голодный и бездомный, бродил неприкаянный человек.

Сердце Д. уже не билось так гневно, утихло, опасность налета на дом со стороны родителей миновала, по крайней мере на сегодня, и Д. буквально начало пощипывать чувство какой-то потери, утраты, щемящей жалости. Да, умерла тетя Леля. Но главное, что рядом, в ловушках улиц, ходит человек. Искать его уже бесполезно, тут ведь лабиринт! Здесь можно ходить параллельно месяцами.

И вдруг, лежа в тетиной кровати и глядя в рассеянном свете ночи на металлические шары, Д. услышала топот, как будто кто-то тяжело бежал к дому по проулку. Тяжело, но размеренно, вроде бегуна на длинные дистанции, топ, топ, топ, топ. Пробежав мимо, остановился и стоял. Затем стукнула калитка, неуверенные шаги приблизились.

– Простите, – воскликнул глухой голос, – это не М. здесь обитает?

– Нет опять! – закричала Д. – Сейчас! Не туда! – Она быстро напялила на себя брюки, свитер и куртку, все это поверх ночной рубахи, и выскочила наружу.

Никого не было.

Д. выглянула за калитку.

Слева вдали угадывался на перекрестке тот темный силуэт в барашковой шапке.

Д. стояла и не двигалась. Что делать? На дворе уже одиннадцатый час, несчастный человек бродит и бродит.

– Идите! – крикнула Д.

И увидела, что он как-то задвигается за угол, исчезает, как резная фигурка в тире.

– Минуту! Месье! – почему-то ляпнула Д. и смутилась. Какой месье? Он уже стоял рядом с ней, глядя в небо, где светил полным светом месяц.

– Месье, вы можете зайти ко мне хотя бы на чашку чая, – сказала Д., рассматривая его худое темное лицо.

Она пошла, он двинулся за ней, вошел в дом, вытер сапоги о мокрую тряпку, снял куртку, шапку, вымыл руки, вытер льняным тетиным полотенцем и сел за стол.

На нем был глухой черный сюртук, волосы лежали овечьей шерстью.

На безымянном пальце правой руки сиял прозрачный темный камень, точь-в-точь как у тети Лели, а теперь у Д.

Д. налила незнакомцу чаю, за вареньем пришлось бы лезть в тайник, отодвигать шкаф, и поэтому Д. сказала:

– Я только приехала, не обессудьте, ничего нет, никакой провизии.

– Я уже привык, – как-то с трудом ответил «месье» и стал жадно пить еле теплый чай.

Д. вдруг спохватилась и открыла банку консервов, это были какие-то дешевые частички в томате. «Месье» подождал, пока Д. выложила кучку рыбешек ржавого вида на блюдечко, и не спеша стал есть.

Д. пока что поставила чайник на плиту.

– А где Ольга? – спросил незнакомец.

– Вы не знаете? Я ее сегодня схоронила, – ответила Д.

– Боже! – откликнулся он и перекрестился.

– Вы ее знали?

– Я бывал тут. Я вам говорил: желтый дом, девушка Ольга М.

М.! Как раз у тети Лели была фамилия на «м»! Ольга!

Он ел медленно, с трудом шевеля челюстями, очень благородно. Худая рука держала алюминиевую вилку с неуловимой грацией. Он опирался запястьями на край столешницы. Из-под рукавов виднелись безукоризненно белые обшлага рубашки.

Д. вдруг застеснялась, удалилась в комнату, хотела переодеться, но было не во что, вместо этого она сняла с себя брюки и свитер и осталась в тетиной рубахе, большой, полотняной, с кружевами у воротника.

И в таком виде, перекинув косу на грудь, она вошла в носках и села за стол.

А прохожий уже лежал на старом диване, ровно дышал, сложив руки на груди, крупные веки его были сомкнуты, но не плотно.

Д. вернулась в тетину комнату и принесла свое одеяло накрыть ему ноги.

Чайник всюду кипел на плите.

Д. снова села за стол и стала смотреть на пришельца, все больше узнавая его.

– Александр Александрович, – сказала она, – я постелю вам в комнате, пока отдыхайте, а потом перейдете туда.

Она пошла, накрыла тахту чистым бельем, хорошо, что взяла с собой две смены, положила сверху свою подушку и последнее одеяло, больше было нечего.

«Сама укурюсь курткой, мало ли», – подумала Д.

У тети в тайнике имелось много всего по ящикам, завтра надо будет проветрить, подсушить, постирать. Может, обнаружатся еще белье и одеяло.

Затем Д. выключила чайник, погасила свет, заперла дверь, пошла к себе и на сон грядущий взяла с тетиного столика старую, отсыревшую книжку: Александр Блок. «Стихотворения».

И каждый вечер, в час назначенный
(Иль это только снится мне?),
Девичий стан, шелками схваченный,
В туманном движется окне.

И медленно, пройдя меж пьяными,
Всегда без спутников, одна,
Дыша духами и туманами,
Она садится у окна.

Глаза Д. были полны слез. Это ее несостоявшаяся судьба открылась, засияла вечерними огнями, повеяло тонким запахом духов, на голове плотно сидела легкая большая шляпа, платье лилового шелка шуршало в коленях, затянутое у пояса. Перчатки охватывали руки Д., зеркало отражало ее нежное, румяное лицо с большими ореховыми глазами, вьющиеся густые волосы под шляпой, блестящие коричневые брови, тонкие губы.

И веют древними поверьями
Ее упругие шелка,
И шляпа с траурными перьями,
И в кольцах узкая рука...

Напрасно сожгла все бумажки, думала Д., может, там были какие-то объяснения. Хотя какие должны быть объяснения? После того как Лелю увезли в больницу, Александр Александрович испугался, пропал, заблудился, но тетинo кольцо сделало свое дело, он все-таки вышел спустя месяц к желтому дому, к тому дому, где лежала на ночном столике читаная-перечитаная книжка его стихов, к своему дому на Земле...

Где я была

Как забыть это ощущение удара, когда от тебя уходит жизнь, счастье, любовь, думала женщина Юля, наблюдая в гостях, как ее муж сел и присох около почти ребенка, все взрослые, а эта почти ребенок. А потом он поднял ее и пошел с ней танцевать, а по дороге сказал своей сидящей Юле, показав глазами на девушку: «Гляди, какое чудо вымахало, я ее видел в шестом классе», – и радостно засмеялся. Дочка хозяев, действительно. Живет здесь. Как забыть, думала Юля на обратном пути в вагоне метро, когда пьяноватый муж (слуховой аппарат под видом очков) важно начал читать скомканную газету и вдруг смежил усталые глазенки под ярким светом. Ехали, приехали. Он сел с той же газетой в туалете и, видимо, заснул, пришлось его будить стуком, все было мелко, постыдно, а что в быту не постыдно, думала Юля. Муж храпел в кровати, как всегда когда выпьет. «Господи, – думала Юля, – ведь ушла жизнь, я старуха никому не нужная, за сорок с гаком, пропала моя судьба».

Утром Юля в одиночестве приготовила семейный завтрак и вдруг сообразила, что надо пойти куда-нибудь. Куда – в кино, на выставку, даже рискнуть в театр. Главное, с кем, одной идти как-то неловко. Юля обзвонила своих подруг, одна сидела обмотавшись теплым платком, болезнь называлась «праздник, который всегда с тобой», почки. Недолго поговорили. У другой никто не брал трубку, видимо, отключила телефон, третья собиралась уходить, стояла на пороге, заболела какая-то очередная престарелая родня. Эта подруга была одинокая, но всегда веселая, бодрая, святая. Мы не такие.

Можно было начать убираться, начальница на работе говорила: «Когда мне было плохо, вот когда диагноз поставили как у сестры, сразу после ее смерти, я пришла домой и взяла и стала мыть пол». Далее следовала история чудесной ошибки в диагнозе. А идея была такая: не сдаваться! Чистые полы!

Стирка, посуда, все раскидано после вчерашних сборов на этот противный день рождения у институтской подруги мужа. Убраться и потом думать, что никто ничего не делает, все одна только она. Муж встанет расставшийся после вчерашнего, будет смотреть на домашних неохотно, брюзжать, орать, вспоминать волшебное видение, дочь хозяев, а как же. Уйдет до ночи. Надо скрыться, скрыться куда-нибудь. Пусть сами раз в жизни. Больше нет сил.

И тут Юля вспомнила, а не поехать ли в то единственное место, где никогда не удивятся, примут и напоят чаем и выслушают, и даже постелят переночевать – то есть не поехать ли к старой дачной хозяйке, у которой жили много лет подряд, еще когда Настя была маленькая, а они с мужем Сережей надеялись на лучшее будущее. Эта дачная хозяйка была для Юли очень дорогим воспоминанием, при всех сложных отношениях с собственной матерью Юля привязалась к совершенно посторонней старушке, трогательному и мудрому существу. Она казалась Юле даже красивой, доброй и по-детски хитрой. Хотя эта баба Аня с собственной дочерью, в свою очередь, жила много лет в разводе, если можно так выразиться, – та не ездила к матери, гуляла на полную катушку, зато оставила бабке в наследство малолетнюю Маринку, забитое черноволосое существо, боящееся чужих людей.

Вот! Когда ты всеми заброшен, позаботься о других, посторонних, и тепло ляжет тебе на сердце, чужая благодарность даст смысл жизни. Главное, что будет тихая пристань! Вот оно! Вот что мы ищем у друзей!

Юля, вдохновленная, усмехнулась сама себе, быстро все прибрала, стараясь не разбудить домашних, и пошла рыться, искать мешок со старыми Настинными вещичками, которые специально собирала для бабы Ани, помня, что у старушки внушка растет безо всякой внешней помощи.

Юля нашла даже и кое-что для самой бабы Ани, теплую кофту, и через два часа уже бежала по привокзальной площади, едва не попав под машину (вот было бы происшествие,

лежать мертвой, хотя и решение всех проблем, уход никому не нужного человека, все бы освободились, подумала Юля и даже на секунду оторопела, задержалась над этой мыслью), – и тут же, как по волшебству, она уже сходила с электрички на знакомой загородной станции и, таща на себе походный рюкзак, продвигалась знакомой улочкой от станции на окраину поселка, в сторону речки.

Воскресным октябрьским днем тут было пусто, светло, ветви уже оголились, воздух папхивал дымком, баней, несло молодым вином от палого листа, печальным уютom чужой жизни за заборами и немного почему-то кладбищем, в окнах уже теплились огни, хотя еще не стемнело. Тоска, простор, белые небеса, счастье прошлых лет, когда они с Сережей были молодые, когда являлись друзья сюда на дачу, все веселились, пили, жарили шашлыки над оврагом и т. д. Помогали бабе Ане, поскольку в ее большом доме вечно что-то текло, проваливалось, требовало молотка. В те годы можно было оставить бабе Ане на вечерок маленькую Настю, они подружились с молчаливой Маринкой. Баба Аня их укладывала спать, а Юля с Сережей ехали в город на чей-то день рождения, пили и пели до утра и могли вернуться только назавтра к вечеру, дочка была под присмотром, а баба Аня говорила – и в отпуск езжайте, я разве не пригляжу. И в отпуск поехали на две недели, на юг одни с Сережей. А бабе Ане тоже было хорошо, ей оставили деньги и продукты. Правда, когда вернулись, дочка Настя в тот же вечер от счастья тяжело заболела и лежала те же самые две недели. Весь отдых был забыт, и загар смылся, Юля не спала десять ночей, Настя чуть не помирала. Все на свете пребывает в равновесии, говорила себе Юля, идя с рюкзаком, говорила чуть ли не вслух.

Тропинка пружинила, тут почва сырая глина, так, теперь улица разветвляется, нам надо левой, мимо забора врачей. Так прозывались их соседи, действительно муж работал в санэпиднадзоре, и они по субботам выкачивали выгребную яму и поливали накопившимся добром свой сад, якобы преследуя экологически чистые цели (на самом деле чтобы не нанимать машину), и по окрестностям плыл смрад, какой всегда несется от натуральных органических удобрений. Такой же гнилой ветерок веял и сейчас (вот откуда запах кладбища).

Баба Аня в свое время смеялась над такой агрономией, она-то была специалист по зерну, работала в каком-то НИИ, даже ездила в командировки, и только выйдя на пенсию, тут, на природе, окрестьянилась, вернулась к языку нижегородских предков, клубнику упорно называла «глупнига» (второй вариант «виктория»), носила платок на голове и резиновые опорки на ногах, мочилась под кусты (вот это и удобрение!), и все у нее произрастало как от волшебного слова, само по себе. В сельской местности она поселилась давно, оставив городскую квартиру дочери, якобы чтобы ей не мешать (на самом деле это была гражданская война с разрухой для обеих сторон, чем всегда кончается гражданская война).

Юля успешно продвигалась по заросшей тропе, среди поредевшего черного бурьяна, тут вроде бы уже давно не ходили? Затем она сняла с калитки поржавевшее кольцо, употребляемое вместо щеколды, отогнала от забора отсыревшую калитку и радостно замахала в сторону дома, увидев, что занавеска на окне дрогнула.

Баба Аня дома! Она увидела Юлю и, наверно, обрадовалась, старушка всегда любила их семью.

Постучав в незапирающуюся дверь, Юля миновала холодные сени и бабахнула кулаком по холстине, которой баба Аня обшила вход в свои покои.

– Иду-иду, – отвечал глухой голосок бабы Ани.

Юля вошла в тепло, в запахи чужого дома, и сразу повеселела от этого милого духа.

– Ну здравствуйте, Бабаня! – воскликнула она чуть ли не со слезами. Приют, ночлег, тихая пристань встречала ее. Бабаня стала еще меньше ростом, ссохлась, глаза, однако, сияли в темноте.

– Я вам не помешала? – довольно спросила Юля. – Я вашей Мариночке привезла Настенькины вещи, колготки, рейтузики, пальтишко.

– Мариночки нет уже, – живо откликнулась Бабаня, – все, нету больше у меня.

Юля, продолжая улыбаться, ужаснулась. Холод прошел по спине.

– Иди, иди, – сказала Бабаня довольно ясно, – иди отсюда, Юля, уходи. Не нужно мне.

– Я вам тут привезла всего, накупила, колбасы, молока, сырку.

– Ну и забирай все. Не нужно. Забирай и уходи, Юля.

Бабаня говорила как всегда, тонким, приятным голосом, была в своем уме, но слова у нее были немыслимые.

– Что-то случилось, Бабаня?

– Да все нормально. Все нормально происходит. Иди отсюда.

Бабаня не могла так говорить! Юля стояла испуганная и оскорбленная и не верила своим ушам.

– Я чем-то обидела вас, Бабаня? Я не приезжала долго, да. Я-то вас все время помню, но жизнь...

– Жизнь и есть жизнь, – туманно сказала Бабаня. – Смерть смерть.

– Времени все нет...

– А у меня времени вагон, так что иди своей дорогой, Юля.

– Но я вам все оставлю тогда... Выложу... Чтобы обратно не тащить, Бабаня.

(Господи, что же стряслось?)

– И зачем, и зачем, – ясным, скандальным голосом спросила как бы себя Бабаня. – Мне ничего уже не надо. Всё. Я похоронена. Всё. Что мне надо? Крест на могилу.

– Что случилось, вы можете мне сказать? – надрывалась Юля.

Дом был теплый, и в коридоре, где разговаривали Юля и Бабаня, на полу лежали, как всегда, распластанные картонные ящики для чистоты. Дверь в комнатку Бабани стояла настежь, там позванивало, как комарик, радио, там были видны через оконные стекла деревья. Все осталось таким, как было всегда. А Бабаня сошла, видать, с ума. Случилось самое страшное, что может быть с живым человеком.

– Ну я и говорю тебе, я умерла.

– Давно? – машинально спросила Юля.

– Ну уж две недели как.

Ужас, ужас. Бедная Бабаня.

– Бабаня, а где девочка? Мариночка?

– Ну я не знаю, ее на похороны не водили, Света не забрала ее к себе, я надеюсь. Света была плохая, совсем нехорошая, то ли она продала уже квартиру, короче, оборвалась вся. На ногах болячки, трофические язвы, что ли, газетами обмотаны. Меня хоронил Дима. Она так болталась, рядом. Он ее шугал, Дима.

– Дима?

– Ну вот которого она бросила с Мариночкой годовалой, а сама ушла. Год Мариночке был. Дима, Дима. Он тогда Мариночку сдал в дом ребенка. Я забирала-то, не помнишь. Али я не рассказывала?

– Что-то помню.

– Или не рассказывала... Много вас тут ходит. Живут, уезжают, ни письма ни весточки. Умирала одна. Упала тут. Марина была в школе.

– Вот я приехала же!

– Дима меня хоронил, но просто сжег, а вазу эту еще оттуда не взял. Меня не похоронили. Я приехала сюда. Пока что я тут временно. Света совсем плохая, божж, божж. Она даже не соображает, что может жить тут, Дима ее пугнул из зала крематория, когда она начала свои ноги заново в газеты обертывать. В больницу в морг ко мне она как-то дорожку нашла. А из автобуса ступила, сукровица потекла, вид нехороший. Нашла газеты в урне. Света, я же знаю, надеялась, думала выпить на поминках. Дима ее как-то разыскал, но не знал, что она уже такая.

Но я здесь недолго пробуду, до сорокового дня. Потом уже-то все, прощайте с Богом. Ну все, Юля, уходи.

– Бабаня! Это все у вас усталость. Вы отдохните! Ну хотите, я с вами поживу? Мариночку найду. Она когда пропала?

– Марина пропала? Нет, ты что. Когда я брякнулась, я сначала ничего не помнила, а потом уже, когда меня стали увозить, я видела только Диму. А где Марина была? И из морга он меня забирал.

– Дима, а как его фамилия?

– Мне неизвестно, – пробормотала себе под нос Бабаня. – Что ли Федосьев. Как у Мариночки фамилия. Она Федосьева. Дай Бог ему здоровья, батюшку привел на похороны. Никого больше не было, их двое, никому не сообщили, а кому сообщать, он не ведает. Свете сообщил и прогнал навеки. Вот все жду она придет. Небось помирает.

– Мне не сообщили, – внезапно сказала Юля.

– А кто ты? Юля, ты дачница много времени назад. Ты уже сколь лет как пропала, пять лет. Марине-то уже двенадцать! Только бы она не пришла, только бы не пришла!

Пять лет, вот это да! Уже Насте пятнадцать. Подросток. Уже пять лет они не снимают дачу! У той Настинной бабушки дом в городе Славянске на Кубани. Ледяная река. Девочка возвращается оттуда совершенно чужая, дикая, курящая. Уже очевидно женщина.

– Простите меня, Бабаня!

– Бог простит, он всех прощает. Иди отсюда, не задерживайся. И тряпье забирай. Сюда уже ходят нехорошие люди. Я всем открываю. Я уже никто.

– Это не тряпье, это хорошие вещи на ребенка. Шерстяные колготки, пальто, майки.

Юля говорила, убеждая Бабаню, что все нормально, что это просто каприз больной души, брошенной всеми души, как и в Юлином случае.

– Бабаня, а я-то к вам ехала как к последнему приюту на земле.

– Такого приюта на земле нету ни у кого. Каждый сам себе последний приют.

– Думала, что вы-то меня не погоните, примете. Думала переночевать у вас.

– Нельзя, ты что, Юля, я тебе говорю. Нельзя, меня нету.

– Еду привезла, поешьте.

– Потом съешь. Иди отсюда.

– Там холодно... Небо такое здесь, воздух... Бабаня! Я так к вам ехала!

Бабаня твердо ответила:

– Я беспокоюсь о Марине. Очень беспокоюсь, где она.

– Я поняла уже, поняла. Я разыщу ее.

– Света сюда идет, погибла, но еще жива. Если бы она умерла, то была бы здесь. Но я никого не хочу видеть, поняли? Оставьте меня в покое! Где Марина? Я не хочу ее видеть! Не желаю, ясно?

Бабаня явно заговаривалась. Хочу – не хочу. Стояла твердо, загораживая узким тельцем коридор.

Юля представила себе обратный путь с тяжелым рюкзаком, с этим хлебом, свертками, литром молока...

– Бабаня, можно я сяду у вас? Ноги болят. Что-то так ноги мои болят.

– Я еще раз говорю, иди с Богом! Уноси свои ноги куда целы!

Юля пошла мимо нее как мимо пустого места в комнату и села на стул.

От соседей в открытую форточку еще сильнее понесло смрадом.

Комната выглядела брошенной. На кровати лежал завернутый тюфяк. Этого никогда не случилось у аккуратной Бабани. Кровать она всегда стелила тщательно, водружала подушку уголком под кружевной накидкой. И этот проклятый запах!

– Поставьте чайник, Бабаня, пожалуйста.

– Да нет чайника, люди пришли унесли все! – все тем же хрустальным голоском отвечала из коридора Бабаня.

– А вода-то, вода-то есть?

– И, давно уже нету, вода только в колодце, а я не выхожу-то, – прозвучало в коридоре.

– Я сбегая за водой? – предложила из комнаты Юля. – Вы давно чаю не пили?

– Я две недели с лишним как умерла.

– Ведро есть?

– И ведро унесли.

Юля собралась с духом, встала и потопала на кухню, и нашла там полнейшее запустение. Шкафчик был раскрыт настежь, на полу лежали битые стекла, валялась на боку мятая алюминиевая кастрюлька (в ней Бабаня варила кашу). Посреди стояла пустая жестяная банка, трехлитровая, из-под консервированной фасоли. Ее когда-то привез для какого-то праздника Сережа, не открыли, обошлись печеной картошкой, банку отдали Бабане на прокорм, уезжая осенью.

Юля взяла в руки банку.

– И забирай все свое!

– Куда я это поволоку за водой.

– Бери, бери! Сумочку возьми!

Юля послушно повесила через плечо сумку и пошла с банкой вон, на улицу к колодцу. Бабаня волокла следом за ней рюкзак, но наружу, в сени, почему-то не вышла, осталась за дверью.

Юлю встретил на пороге холод, свежий ветер повеял, везде был черный бурьян, качающий сухими семенами, полное запустение покинутого участка. Она поплелась к оврагу, где был ближний колодец. Всем давно провели водопровод, только сюда, к Бабане, его не дотянули, у такой хозяйки не бывает средств.

Кругом в овраге лежал старый мусор, почти свалка, а на борове у колодца не оказалось ведра, была только намотана ржавая капроновая веревочка. Ведро скоммуниздили, как выражалась Бабаня.

Тут закружилась голова, и кругом все стало отчетливо, ослепительно белым – но только на мгновение. Так и не потеряв сознания, Юля нашла здоровенный кривой гвоздь, вытащила из земли обломок кирпича. Пробила в борту банки дыру, причем ранила указательный палец левой руки, высосала кровушку из ранки, нашла на склоне оврага свежий листик подорожника, приложила его к ссадине, потом кое-как привязала веревочку к банке, запустила ворот. Зачерпнула, подняла свое импровизированное ведрышко, развязала веревку на ледяной банке и потащила двумя руками подальше от себя, чтобы не замочиться, причем несла полную, помня только о Бабане, у которой в доме не было ни капли воды. Пошла наверх, вон из оврага. Путь был глинистый, тяжелый, с непривычки болели ноги, скорей даже онемели. Наверху Юля поставила банку на тропу и огляделась.

Забор у Бабани был реденький, из досточек, и дом отсюда, сверху, просматривался прекрасно. Занавесок на окнах уже не было! Юля почувствовала леденящий страх, темный страх здорового человека перед сумасшествием, которое может сорвать занавески с четырех окон за семь-восемь минут.

Несмотря на это, Бабаню надо было накормить и хотя бы напоить. Вызвать врачей. Запереть дом. Найти как-нибудь Марину, Свету или Диму Федосьева. Кому тут жить, Свете беспризорной, наследнице, которая прогудит дом во мгновение ока, или тоже бездомной Мариночке, это не нам решать. Мариночку надо взять! Вот так. Такой теперь план жизни, раз уж ввязалась. Тебе хотелось уйти, вот и ушла от своей жизни и попала в чужую. Нигде не пусто, всюду эти одинокие. Сережа и Настя будут против. Сережа промолчит, Настя скажет, еще новости, ты, мама, вообще куку. Юлина мать поднимет по телефону большую волну.

Юля стояла, тяжело размышляя, понимая, что надо идти, но ноги как налились чугуном и не хотели слушаться, не хотели нести на себе три литра ледяной воды в разграбленный дом к сумасшедшей старухе, к новым тяготам жизни. Резкий ветер подул на горку, где стояла, окаменев, домашняя женщина Юля, стояла как бездомная, нищая, с единственным имуществом у ног, трехлитровой жестяной банкой воды. Резкий ветер подул, загремели черные скелеты деревьев, нарастал далекий шум, и явился арбузный запах зимы. Было холодно, зябко, явственно темнело, тут же захотелось перенестись домой, к теплomu, пьяноватому Сереже, к живой Насте, которая уже проснулась, лежит в халате и ночной рубашке смотрит телевизор, ест чипсы, пьет кока-колу и названивает друзьям. Сережа сейчас уйдет к школьному другу. Там они выпьют. Воскресная программа, пускай. В чистом, теплом обыкновенном доме. Без проблем.

Юля взяла банку обеими руками и понесла ее вниз, к Бабане, но не удержалась и поехала по глине, расплескав половину воды на себя. О Господи! Ноги болели уже довольно сильно.

Но дверь у Бабани оказалась запертой, и никто не открыл Юле, хотя она была даже больными ногами и кричала как оглашенная.

Кто-то над ней явственно, очень быстро пробормотал: «Кричит».

Однако Юля знала другой путь, по приставной лестнице на чердак, и оттуда через проем, по вырубкам в стене, можно спуститься на терраску, так они не раз влезали ночью в дом, если не могли найти ключей, они с Сережей.

Банку Юля оставила у дверей.

Там, в доме, сидела обезумевшая Бабаня, без воды, да и еду она бы не смогла добыть из застегнутого рюкзака с такими-то умственными данными. Что же происходит с человеком, как он теряет все – умное, доброе, прекрасное существо становится опасливой глупой зверушкой...

Юля с трудом достала тяжеленную лестницу из-под дома, установила ее, полезла по трухлявым перекладинам, рухнула с третьей, совсем разбила ноги (сломала?). Со стоном поднялась, все-таки влезла на крышу, ведь умудрилась и руки повредить, и бока болели, голова, на один момент даже открылось опять какое-то далекое белое пространство (бред, но он быстро прошел) – затем она еле проволокла по пыльному чердаку и спустилась на веранду, тяжелейший путь. Дверь с веранды в дом оказалась закрытой тоже. Видимо, с той стороны предусмотрительная Бабаня наладила крючок, боясь воров.

Хорошо.

Юля заплакала и забарабанила кулаком в дверь, крича:

– Анна Сергеевна! Але! Это я, Юля! Юля! Пустите меня!

Постояв и послушав в мертвой тишине (только где-то как бы посыпалось что-то, как земля, стружкой), Юля сказала:

– Хорошо, я ухожу, вода у вас под дверью в банке. Хлеб и сыр в большом клапане рюкзака впереди. И колбаса там же.

Обратный путь по зарубкам вверх был еще тяжелей, руки не слушались, цепляясь за зарубки, а спускалась Юля уже в полубреду, неизвестно как миновав сгнившую перекладину... Белый свет сверкал сквозь сумерки, белые пространства обморока.

Добравшись до станции, она села на ледяную скамью. Было дико холодно, ноги закалились и болели как раздавленные. Поезд долго не приходил. Юля легла скрючившись. Все электрички проскакивали мимо, на платформе не было ни единого человека. Уже капитально стемнело.

И тут Юля проснулась на каком-то ложе. Опять открылось (вот оно!) бескрайнее белое пространство, как снега кругом. Юля застонала и перевела взгляд к горизонту. Там оказалось окно, наполовину заслоненное голубой шторой. В окне стояла ночь и сияли далекие фонари. Юля лежала в огромной темной комнате с белыми стенами под одеялом как под грудой развалин. Правая рука не поднималась, придавленная каким-то грузом. Юля подняла левую руку и

стала разглядывать ее. Рука была бледная до прозрачности. На указательном пальце темнела большая ссадина. Это онахватила по пальцу кирпичом, когда пробивала банку гвоздем там, у дома Бабани. Но ссадина уже почти что зажила.

– Где я была? – произнесла Юля громко. – Эй! Але! Бабаня! А-аа!

Она попыталась приподняться. Но эффект был нулевой. Страшно болели ноги, вот это уж действительно. И резало в низу живота.

Никого не было.

Все-таки она приподнялась, опершись на правую руку, и осмотрелась.

Это была кровать, и от нее вниз отходила полупрозрачная трубочка.

Катетер! Ей вставили катетер! Как умиравшей бабушке когда-то в больнице. Это и есть больница. Рядом стояла еще кровать с какой-то неподвижной грудой белого.

– Але! Ой! Ура! Спасите! – закричала Юля. – Бабаню спасите! Марину Федосьеву!

Груда белого на соседней кровати зашевелилась.

Вошла заспанная медсестра в белом халате.

– Вы что орете, тише, – приговаривала она на ходу. – Тише. Перебудите всех.

– Где это? – плакала Юля. – Дайте встать! Марина Федосьева, ищите ее. Мне надо встать!

– Встанете, встанете, больная. Раз вы... раз вы пришли в сознание, тогда...

Она ушла и вернулась со шприцом. Пока делали укол, Юля мучительно вспоминала.

– Что со мной, сестра, прошу вас.

– Что с вами, переломы ног, руки, малого таза. Лежите уж. Завтра муж придет, дочь придет, мама, всё расскажут. Сотрясение мозга. Очнулась – уже хорошо. А то они всё ходят, всё сидят бестолку. Ноги чувствуют?

– Болят.

– И хорошо.

– А где, где? Что произошло?

– Под машину вы попали, не помните? Спите, спите, под машину попали.

Юля изумилась, охнула, и тут ее накрыло, и она опять пыталась достучаться до Бабани, все хотела напоить ее. Был сумрачный октябрьский вечер, стеклышки на террасе дребезжали от ветра, болели усталые ноги и разбитая рука, но Бабаня не желала, видимо, ее принимать. А потом с той стороны стекла появились хмурые, жалкие, залитые слезами лица родных – мамы, Сережи и Насти. И Юля все им пыталась сообщить, чтобы поискали Марину Федосьеву Дмитриевну, Дмитриевну Бабаню, что-то так. Ищите, ищите, говорила она, не плачьте, я тут.

Глюк

Однажды, когда настроение было как всегда по утрам, девочка Таня лежала и читала красивый журнал.

Было воскресенье.

И тут в комнату вошел Глюк. Красивый как киноартист (сами знаете кто), одет как модель, взял и запросто сел на Танину тахту.

– Привет, – воскликнул он, – привет, Таня!

– Ой, – сказала Таня (она была в ночной рубашке). – Ой, это что.

– Как дела, – спросил Глюк. – Ты не стесняйся, это ведь волшебство.

– Прямо, – возразила Таня. – Это глюки у меня. Мало сплю, вот и все. Вот и вы.

Вчера они с Анькой и Ольгой на дискотеке попробовали таблетки, которые принес Никола от своего знакомого. Одна таблетка теперь лежала про запас в косметичке, Никола сказал, что деньги можно отдать потом.

– Это неважно, пусть глюки, – согласился Глюк. – Но ты можешь высказать любое желание.

– И что?

– Ну ты сначала выскажи, – улыбнулся Глюк.

– Ну... Я хочу школу кончить... – нерешительно сказала Таня. – Чтобы Марья двойки не ставила... Математичка.

– Знаю, знаю, – кивнул Глюк.

– Знаете?

– Я все про тебя знаю. Конечно! Это ведь волшебство.

Таня растерялась. Он все про нее знает!

– Да не надо мне ничего, и вали отсюда, – смущенно пробормотала она. – Таблетку я нашла на балконе в бумажке кто-то кинул.

Глюк сказал:

– Я уйду, но не будешь ли ты жалеть всю жизнь, что прогнала меня, а ведь я могу исполнить твои три желания! И не трать их на ерунду. Математику всегда можно подогнать. Ты ведь способная. Просто не занимаешься, и все. Марья поэтому поставила тебе парашу.

Таня подумала: действительно, этот глюк прав. И мать так говорила.

– Ну что, – сказала она. – Хочу быть красивой?

– Ну не говори глупостей. Ты ведь красивая. Если тебе вымыть голову, если погулять недельку по часу в день просто на воздухе, а не по рынку, ты будешь красивей чем она (сама знаешь кто).

Мамины слова, точно!

– А если я толстая? – не сдавалась Таня. – Катя вон худая.

– Ты толстых не видела? Чтобы сбросить лишние три килограмма, надо просто не есть без конца сладкое. Это ты можешь! Ну, думай!

– Сережка чтобы... ну, это самое.

– Сережка! Зачем он нам! Сережка уже сейчас пьет. Охота тебе выходить замуж за алкаша! Ты посмотри на тетю Олю.

Да, Глюк знал все. И мать о том же самом говорила. У тети Оли была кошмарная жизнь, пустая квартира и ненормальный ребенок. А Сережка действительно любит выпить, а на Таню даже и не глядит. Он, как говорится, «лазит» с Катей. Когда их класс ездил в Питер, Сережка так нахрюкался на обратном пути в поезде, что утром его не могли разбудить. Катя даже его била по щекам и плакала.

– Ну вы прям как моя мама, – сказала, помолчав, Таня. – Мать тоже базарит так же. Они с отцом кричат на меня, как больные.

– Я же хочу тебе добра! – мягко сказал Глюк. – Итак, внимание. У тебя три желания и четыре минуты остается.

– Ну... Много денег, большой дом на море... и жить за границей! – выпалила Таня.

Чпок! В ту же секунду Таня лежала в розовой, странно знакомой спальне. В широкое окно веял легкий приятный морской ветерок, хотя было жарко. На столике лежал раскрытый чемодан, полный денег.

«У меня спальня как у Барби!» – подумала Таня. Она видела такую спальню на витрине магазина «Детский мир».

Она поднялась, ничего не понимая, где тут что. В доме оказалось два этажа, везде розовая мебель как в кукольном доме. Мечта! Таня ахала, изумлялась, попрыгала на диване, посмотрела что в шкафах (ничего). На кухне стоял холодильник, но пустой. Таня выпила водички из-под крана. Жалко, что не подумала сказать «чтобы всегда была еда». Надо было добавить «и пиво» (Таня любила пиво, они с ребятами постоянно покупали баночки. Денег только не было, но Таня их брала иногда у папы из кармана. Мамина заначка тоже была хорошо известна. От детей ничего не спрячешь!). Нет, надо было вообще сказать Глюку так: «И все что нужно для жизни». Нет, «для богатой жизни!» В ванной находилась какая-то машина, видимо, стиральная. Таня умела пользоваться стиралкой, но дома была другая. Тут не знаешь ничего, где какие кнопки нажимать.

Телевизор в доме был, однако Таня не смогла его включить, тоже были непонятные кнопки.

Затем надо было посмотреть что снаружи. Дом, как оказалось, стоял на краю тротуара, не во дворе. Надо было сказать: «с садом и бассейном». Ключи висели на медном крючке в прихожей, у двери. Все предусмотрено!

Таня поднялась на второй этаж, взяла чемоданчик денег и пошла было с ним на улицу, но обнаружила себя все еще в ночной рубашке.

Правда, это была рубашка типа сарафанчика, на лямочках.

На ногах у Тани красовались старые шлепки, еще не хватало!

Но приходилось идти в таком виде.

Дверь удалось запереть, ключи девать было некуда, не в чемодан же с деньгами, и пришлось оставить их под ковриком, как иногда делала мама. Затем, напевая от радости, Таня побежала куда глаза глядят. Глаза глядели на море.

Улица кончалась песчаной дорогой, по сторонам виднелись маленькие летние домики, затем развернулся большой пустырь. Сильно запахло рыбным магазином, и Таня увидела море.

На берегу сидели и лежали, прогуливались люди. Некоторые плавали, но немногие, поскольку были высокие волны.

Таня захотела немедленно окунуться, однако купальника на ней не было, только белые трусики под ночной рубашкой, в таком виде Таня красоваться не стала и просто побродила по прибою, уворачиваясь от больших волн и держа в одной руке тапки, в другой чемоданчик.

До вечера голодная Таня шла и шла по берегу, а когда повернула обратно, надеясь найти какой-нибудь магазин, то перепутала местность и не смогла найти тот пустырь, откуда вела прямая улица до ее дома.

Чемодан с деньгами оттянул ей руки. Тапки намокли от брызг прибою.

Она села на сыроватый песок, на свой чемоданчик. Солнце заходило. Страшно хотелось есть и особенно пить. Таня ругала себя последними словами, что не подумала о возвращении, вообще ни о чем не подумала – надо было найти сначала хоть какой-нибудь магазин, что-то купить. Еду, тапочки, штук десять платьев, купальник, очки, пляжное полотенце. Обо всем у

них дома заботились мама и папа, Таня не привыкла планировать, что есть, что пить завтра, что надеть, как постирать грязное и что постелить на кровать.

В ночной рубашке было холодно. Мокрые шлепки отяжелели от песка.

Надо было что-то делать. Берег уже почти опустел.

Сидела только пара старушек да вдаль вопили, собираясь уходить с пляжа, какие-то школьники во главе с тремя учителями.

Таня побрела в ту сторону. Нерешительно она остановилась около кричащих, как стая ворон, детей. Все эти ребята были одеты в кроссовки, шорты, майки и кепки, и у каждого имелся рюкзак. Кричали они по-английски, но Таня не поняла ни слова. Она учила в школе английский, да не такой.

Детки пили воду из бутылочек. Кое-кто, не допив драгоценную водичку, бросал бутылки с размахом подальше. Некоторые, дураки, кидали их в море.

Таня стала ждать, пока галдящих детей уведут.

Сборы были долгие, солнце почти село, и наконец этих воронят построили и повели под тройным конвоем куда-то вон. На пляже осталось несколько бутылочек, и Таня бросилась их собирать и с жадностью допила из них воду. Потом побрела дальше по песку, все-таки вглядываясь в прибрежные холмы, надеясь увидеть в них дорогу к своему дому.

Внезапно опустилась ночь. Таня, ничего не различая в темноте, села на холодный песок, подумала, что лучше сесть на чемоданчик, но тут вспомнила, что оставила его там, где сидела перед тем!

Она даже не испугалась. Ее просто придавило это новое несчастье. Она побрела, ничего не видя, обратно.

Она помнила, что на берегу оставались еще две старушки.

Если они еще сидят там, то можно будет найти рядом с ними чемоданчик.

Но кто же будет сидеть холодной ночью на сыром песке!

За песчаными холмами давно горели фонари, и из-за этого на пляже было совсем уже ничего не видно. Тьма, холодный ветер, ледяные шлепки, тяжелые от мокрого песка.

Раньше Тане приходилось терять многое – самые лучшие мамины туфли на школьной дискотеке, шапки и шарфы, перчатки бессчетно, зонтики уже раз десять, а деньги вообще считать и тратить не умела. Она теряла книги из библиотеки, учебники, тетрадки, сумки.

Еще недавно у нее было все – дом и деньги. И она все потеряла.

Таня ругала себя. Если бы можно было начать все сначала, она бы, конечно, крепко подумала. Во-первых, надо было сказать: «Пусть все, что я захочу, всегда сбывается!» Тогда бы сейчас она могла бы велеть: «Пусть я буду сидеть в своем доме, с полным холодильником (чипсы, пиво, горячая пицца, гамбургеры, сосиски, жареная курица). Пусть по телику будут мультики. Пусть будет телефон, чтобы можно было пригласить всех ребят из класса, Аньку, Ольгу, да и Сережку!» Потом надо было бы позвонить папе и маме. Объяснить, что выиграла большой приз, поездку за границу. Чтобы они не беспокоились. Они сейчас бегают по всем дворам и всех уже обзвонили. Наверное, и в милицию подали заявление, как месяц назад родители хиппи Ленки по прозвищу Бумажка, когда она уехала в Питер автостопом.

А вот теперь в одной ночной рубашке и в сырых шлепках приходится в полной тьме блуждать по берегу моря, когда дует холодный ветер.

Но уходить с пляжа нельзя, может быть, утром повезет первой увидеть свой чемоданчик.

Таня чувствовала, что стала гораздо умней, чем была утром, при разговоре с Глюком. Если бы она оставалась такой же душой, то давно бы уже покинула это проклятое побережье и побежала бы туда где теплей. Но тогда бы не оставалось надежды найти чемоданчик и улицу, где стоял родной дом...

Таня была полной душой еще три часа назад, когда даже не посмотрела ни номер своего дома, ни названия улицы!

Она стремительно умнела, но есть хотелось до обморока, а холод пронизывал всю ее до костей.

В этот момент она увидела фонарик. Он быстро приближался, как будто это была фара мотоцикла – но без шума.

Опять глюки. Да что же это такое!

Таня замерла на месте. Она знала, что находится в совершенно чужой стране и не сможет найти защиты, а тут этот страшный бесшумный фонарик.

Она свернула и потрухала в своих тяжелых, как утюги, шлепках по кучам песка к холмам. Но фонарик оказался рядом, слева. Голос Глюка сказал:

– Вот тебе еще три желания, Танечка. Говори!

Таня, теперь уже умная, хрипло выпалила:

– Хочу, чтобы всегда мои желания исполнялись!

– Всегда? – спросил голос как-то загадочно.

– Всегда! – ответила, вся дрожа, Таня.

Откуда-то очень сильно воняло гнилью.

– Только есть один момент, – произнес Невидимый с фонариком. – Если ты захочешь кого-нибудь спасти, то на этом твое могущество кончится. Тебе уже ничего никогда не достанется. И тебе самой придется худо.

– Да никого я не захочу спасти, – сказала, трясаясь от холода и страха, Таня. – Не такая я добренькая.

– Ну говори свое желание, – произнес голос, и запахло еще и отвратительным дымом. Гниль и дым, как на помойке.

– Хочу оказаться в своем доме с полным холодильником, и чтобы все ребята из класса были, и телефон позвонить маме.

И тут же она в чем была – в мокрых тапочках и ночной рубашке оказалась, как во сне, у себя в новом доме в розовой спальне, а на кровати, на ковре и на диване сидели ее одноклассники, причем Катя с Сережей на одном кресле.

На полу стоял телефон, но Таня не спешила по нему звонить. Ей было весело! Все видели ее новую жизнь!

– Это твой дом? – галдели ребята. – Круто! Класс!

– И прошу всех на кухню! – сказала Таня.

Там ребята открыли холодильник и стали играть в саранчу, то есть уничтожать все припасы в холодном виде. Таня пыталась подогреть что-то, какие-то пиццы, но плита не зажигалась, кнопки не срабатывали. Потребовалось еще мороженое, пиво, Сережка попросил водки, мальчишки сигарет.

Таня потихоньку, отвернувшись, пожелала себе быть самой красивой и все то, что заказали ребята. Тут же за дверью кто-то нашел второй холодильник, тоже полный.

Таня сбегала в ванную и посмотрела на себя в зеркало. Волосы стали кудрявыми от морского воздуха, щеки были как розы, рот пухлый и красный без помады. Глаза сияли не хуже фонариков. Даже ночная рубашка выглядела как кружевное вечернее платье! Класс!

Но Сережка как сидел с Катей, так и сидел. Катя тихо ругалась с ним, когда он открыл бутылку и стал отпивать из горлышка.

– Ой, ну что ты его воспитываешь, воспитываешь! – воскликнула Таня. – Он же тебя бросит! Я все всем разрешаю! Просите чего хотите, ребята! Слышишь, Сережка? Проси у меня что хочешь, я тебе все разрешаю!

Все ребята были в восторге от Тани. Антон подошел, поцеловал Таню долгим поцелуем, как ее еще никто в жизни не целовал.

Таня торжествующе посмотрела на Катю. Они все еще сидели на одном кресле, но уже отвернулись друг от друга.

Антон спросил на ухо, нет ли травки покурить, Таня принесла папироски с травой, потом Сережка заплетающимся языком сказал, что есть такая страна, где свободно можно купить любой наркотик, и Таня ответила, что именно здесь такая страна, и принесла полно шприцов. Сережка с лукавым видом сразу схватил себе три, Катя пыталась вырвать их у него, но Таня постановила – пусть Сережка делает что хочет.

Катя замерла с протянутой рукой, не понимая, что происходит.

Таня чувствовала себя не хуже королевы, она могла все.

Если бы они попросили корабль или полететь на Марс, она бы все устроила. Она чувствовала себя доброй, веселой, красивой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.